

Алексей А. ПЕТРУХИН
Владимир ШЕМЕНЕВ

ПРЕТЕНДЕНТ НА БУКЕРОВСКУЮ ПРЕМИЮ

«ВАРЯГ» НЕ СДАЕТСЯ

Претендент на Букеровскую премию

Алексей Петрухин
«Варяг» не сдаётся

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрухин А.

«Варяг» не сдается / А. Петрухин — «Эксмо»,
2015 — (Претендент на Букеровскую премию)

Начало XX века. Лейтенант российского флота Алексей Муромцев вступился за честь своей подруги Кати, ударив негодяя Слизнева, который, к несчастью, оказался статским советником. За дерзкий поступок лейтенант был разжалован в матросы и сослан на Дальний Восток, на бронепалубный крейсер «Варяг». Вскоре выяснилось, что Слизнев – шпион, продающий военные секреты японцам. Алексей Муромцев и его друг, военный контрразведчик Истомина, уже готовы были разоблачить предателя, как Слизнев устроил диверсию и сбежал на японский броненосец, захватив в качестве заложницы Катю. Алексей делает все возможное и невозможное, чтобы спасти ее, но даже не догадывается, что девушке удалось сбежать с броненосца, прыгнув в ледяное море... До войны с Японией и трагического боя у Чемульпо оставались считанные недели. Жестокие битвы, доблесть русских моряков, безграничная и жертвенная любовь, ненависть и предательство сплелись в единый стальной клубок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петрухин А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Алексей А. Петрухин,
Владимир Шемениев
«Варяг» не сдается**

© Петрухин А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2015

От автора

Можно ли было представить, что сценарий фильма о героическом крейсере «Варяг» когда-то станет полноценным романом? Конечно, подобные литературные трансформации не раз опробованы самыми разными писателями, но в начале нашей работы целью был исключительно киносценарий.

Казалось бы, история крейсера «Варяг» известна благодаря соответствующей песне даже детям, но так ли она проста? Я был уверен, что судьба героев того сражения достойна самого пристального внимания, не говоря уже об исторических предпосылках и политико-экономической основе произошедших событий. Работа над сценарием заставила изучить огромное количество архивных документов, благодаря которым стало понятно, что историческое сражение при Чемульпо далеко не так однозначно, как мы привыкли думать. Несколько лет мой соавтор, Владимир Шеменев, отдал изучению архивов и деталей этого исторического сражения, за что ему огромное спасибо, и в большей степени благодаря ему этот роман состоялся!

Завершенный сценарий так никогда и не стал бы книгой, если бы не мое настойчивое желание донести эту историю до читателя-зрителя раньше экранизации. Мой соавтор был категорически против, но в итоге решили – роману быть! Владимир, спасибо тебе много раз за доверие, терпение, колоссальный труд и полное сотрудничество, это твой вклад в нашу историю, историю России, и никак не меньше!

Все образы, персонажи, события сохранены в кинематографических, если так можно выразиться, рамках. Поэтому вы, уважаемый зритель, а вернее – читатель, будете следить за историей легендарного крейсера не со страниц книги, а по кадрам киноплёнки. Надеюсь, нам удалось с кинематографической точностью передать настроение героев романа. Поверьте, это было намного сложнее, чем при работе над оригинальным сценарием картины.

Мы с Владимиром Шеменевым хотели рассказать всем свою историю крейсера, поэтому любые совпадения с реальными персонажами можно считать случайными. Или не случайными. Но об этом вы сможете узнать только после просмотра, точнее, прочтения картины-романа «Варяг». В добрый путь!

С любовью и уважением,

Алексей Петрухин

Предисловие Май 1918 г

Ночью я не спал. Стоял у распахнутого окна, прислушиваясь к стуку ставней на ветру и гулу дождя. Стоял и ждал. Ждал конца света, положив руку на цевье английского двадцатизарядного винчестера. Рядом со мной на подоконнике лежали две гранаты и поблескивающий вороненой сталью «наган». Достал из кармана часы и нажал кнопку: стрелки показывали без четверти пять. Щелкнул серебряной крышкой и чуть задержал взгляд на гравировке: «Лейтенанту Алексею Муромцеву, честно выполнившему свой долг».

От окна я отошел всего два раза: сходил за чайником и принес резное кресло. Сказывалось старое ранение – в июне девятьсот пятнадцатого секанул меня немецкий пулеметчик с «Любека», да так, что только чудом не перерезал пополам. Вот и ноет с тех пор поясница, особенно в дрянную погоду, а погодка сегодня выдалась на славу...

Гроза ревела так, что прыгали листы железа на старой обветшавшей крыше усадебного дома, издавая протяжное заунывное пение.

Налил кипятка в кружку и кинул туда несколько листьев вишни и мяты. Чай в доме не было с лета семнадцатого года, кофе пропал еще в шестнадцатом. Вместо мыла – сода, вместо сигарет – махорка. Ржаные сухари и мамалыга. Картошка на вес золота, молоко вообще не продавали: не потому, что не хотели – его просто не было. Скотину реквизируют на нужды Красной Армии, а что не забрали – порезали дезертиры, наводнившие приокские леса.

Усевшись поудобней в кресло, я положил винчестер на колени и, скрутив самокрутку, вдохнул в легкие ударную горючую смесь из махры и сушеной коры дуба. В деревне что-то горело, и сполохи зарева, перемежевуясь со вспышками молний, создавали картину вселенского Апокалипсиса.

* * *

Утро выдалось туманное: парило от болот за Окой, от реки и с лугов. Усадьба словно утонула в густой пелене. Молочно-серая дымка затянула всю пойму, оставив на обозрение только верхушки деревьев и купол церкви с колокольней, торчавшей словно кол посреди соломенных крыш. Деревня, просевшая в низине, имела такое же название, как и наше имение, – Муромское.

Я смотрел на потемневший после дождя парк, на укутанные полупрозрачной пеленой амбары, на пустую конюшню с распахнутыми настежь воротами, сгоревшую в прошлом году баню и обвалившийся в конце гумна стог сена. Смотрел и ждал...

Ждал я делегацию из деревни, которая должна была порезать меня на ремни, как выразился председатель местного совета Митя Гладков, а по дворовому Митяй. Бывший до революции пастухом, а ныне уважаемый представитель новой большевистской власти.

– Сорок восемь часов – вот мой вердикт, – выдал он накануне фразу, и я не сразу понял, что он имел в виду...

А имел он в виду то, что я должен был бросить дом и бежать сломя голову куда глаза глядят.

– В противном случае, – помявшись, добавил председатель ревкома, – я сделаю тебе дырку в башке, а имение в любом случае станет достоянием республики. Дом и все прилегающие постройки переходят к сельсовету, где с разрешения товарищей из уездного исполкома решено устроить кооперацию.

Вот так...

Мой прадед построил этот дом, а Митяй решил, что будет с усадьбой...

– Да пошел ты, – явной радости по ходу его пламенной революционной речи я не выразил, отчего обстановка накалилась до предела.

Митяй обвел взглядом свое разношерстное окружение и, получив молчаливое согласие на эксцесс, потянулся к кобуре.

Пришлось вынести из кабинета отца морскую мину и молоток. Это был муляж мины, но они об этом не знали.

Я занес молоток.

– Попрошу покинуть мой дом, – и стал считать. – Раз, два, три, – на счет «три» я со всей дури жажнул по железяке, заполнив комнату протяжным гулом.

Через секунду дом был пуст. Только из парка продолжала доноситься отборная брань и обещание открыть кингстоны и отправить меня на дно Оки.

Знали твари, что я морской офицер, и терминов нахваталась специально по этому случаю. Благо было где. В десяти верстах от Муромского проходила железная дорога, по которой всю осень шли эшелоны с солдатами и матросами, возвращавшимися домой с развалившегося фронта и исчезнувших, словно по волшебству, флотов. Вот и ходил туда Митяй ума набираться. И набрался...

По этой же железке приехал и я в начале марта, чудом выскочив из бушующего революционными страстями Петрограда. Курок был уже спущен, и по земле потекли реки крови, затягивая Россию в пенистый водоворот красного террора.

Спросите, зачем приехал? Отвечу. Тянуло. Надо было попрощаться с могилами родителей, походить напоследок по дому и, если получится, продать усадьбу: хоть за полцены, хоть за треть. Хотя сама идея с продажей была заведомо тупиковой. Кому они сейчас нужны, эти дворянские гнезда? Продавать надо было до войны, а сейчас их сотни, брошенных по всей России. Стоят, словно призраки, в окружении заросших садов, взирая на мир пустыми глазницами выбитых окон и дверей.

Ладони вспотели, и я провел рукой по мокрому отливу, собирая остатки влаги. Протер лицо и выглянул в окно.

Гроза ушла на восток, очищая небо. Ветер и ливень сбили весь цвет с акаций, росших возле самого окна, засыпав дорожки скомканными грязно-сиреневыми лепестками. Они плавали в лужах, источая дурманящий аромат, перемешанный с озоном и свежескошенной травой. С листы еще капало, но это уже больше походило на слезы – слезы прощания с отчим домом.

День, два – сколько я здесь протяну, среди вражды и непонимания? Я чужой! Чужой в своем доме, на своей Родине.

Родина! Где ты?

Если смотреть из окна – там ее уже нет... Там только Митя Мудило и его комсостав. Но стоит обернуться, заглянуть в полутемные комнаты, пройтись по залам, разглядывая портреты и фотографии, тронуть клавиш, постучать по щитам и саблям, которыми увешаны стены, сдернуть плед и, закутавшись в него, завалиться на старый скрипучий диван – и Родина окутает тебя, принося из глубин памяти воспоминания о детстве.

Она подойдет к тебе и спросит: «Эй, Алеха, а помнишь мальчишку в бескозырке, который катал на лодке смешливую соседскую девчонку? Она потом станет твоей женой».

– Помню, – скажешь ты и улыбнешься.

– А теплые материнские руки, глядящие твои волосы, когда ты болел ангиной, и нежный, всегда любящий тебя взгляд?

– Помню!

– Помнишь попыхивающего трубкой отца, сидящего в плетеном кресле и читающего свою любимую «Ниву»?

– Помню! Я все помню. Все до мелочей...

– Закрой глаза и не открывай, в противном случае ты вернешься в мир, в котором нет места сентиментальности. И вместо лиц любимых тебе людей ты увидишь прислоненный к стене винчестер системы «Смит и Вессон», две гранаты и «наган» на подоконнике.

Я помотал головой, отгоняя навалившуюся дремоту, но глаза не открыл.

Долой грезы и наваждения. Я живу – и это хорошо. Катя и Димка уже в Хельсинки. Там тоже бардак, но не такой, как здесь. Последнее письмо от жены я получил в конце апреля. Она писала, что в Выборге прошла волна расстрелов, но после подавления путча красных все затихло, и жизнь вроде стабилизировалась... Спасибо Маннергейму. Он, конечно, сука приличная – генерал царской армии, предавший Россию, которой присягал... Но, с другой стороны, его можно понять: национализм – он как проказа: с одной стороны, греет душу, а с другой – разрушает.

Катя и Димка, милые мои. Увидимся ли когда-нибудь? Боже, как же я по вас скучаю!

* * *

К жестокой реальности меня вернул скрип калитки, ведущей в парк. Я передернул затвор и только после этого открыл глаза. Сработала привычка, выработанная годами: заснуть и проснуться по первому подозрительному шороху или звуку. Дурная привычка, – «не спать, когда спишь»: скрипнул такелаж, громыхнул где-то клюз-сак, вытравили лаг или звякнула рында – а ты уже на ногах и хочешь знать, что происходит на твоём корабле.

Через парк шла Дарья, шлепая по мокрой листве обрезанными по щиколотку кирзовыми сапогами. Дарья когда-то служила у родителей в горничных: женщина добрая и честная, но чересчур уж разговорчивая.

Она-то и принесла известие, что в деревне сгорел дом Кабана, а его самого шлепнул Митяй за то, что тот зерно на продразверстку не хотел отдавать. А сын Кабана – Антоха Кабан – стеганул из дробовика по Митьке да промахнулся, только руку покалечил.

– Ну и Антоху застрелили, а дом подпалили. Вот такие-то дела, – вздохнула Дарья и, прихватив пустой чайник, пошла в кухню, причитая на ходу: – Что творится, что творится, совсем стыд потеряли.

Но я не слышал ее. Хотелось пойти в деревню и поклониться Кабану. Я даже не знал его фамилии и как зовут. Кабан да Кабан, по-уличному. Помню, отец всегда хвалил его, когда мы мимо их дома проезжали.

– Работящий мужик, – говорил он, показывая кнутовищем в сторону его колосющихся наделов, – такие не только наш уезд, всю Русь прокормят.

Дарья принесла соломы и щепок, скомкала кусок «Уездных ведомостей» и запихала все это в печурку. Лязгнула задвижкой и присела у печи, подтыкая горящую спичку под промасленную бумагу.

– Я вам там наливочки принесла, Алексей Константинович, – крикнула она. – День рождения все-таки.

– Спасибо!

О, бог ты мой! Я совсем забыл. У меня же сегодня день рождения. Дата не круглая, но серьезная, особенно на фоне грядущих потрясений.

Потянуло дымком – и дом словно ожил. Дарья забегала, засуетилась, громыхая кастрюлями и чугунками.

Через час пришел Кузьмич, бывший отцов кучер. Выложил на стол кусок сала и две головки лука. Долго извинялся, что явился с пустыми руками, и угомонился только после

того, как Дарья выставила на стол наливку. Улыбнулся и, выдернув затычку, разлил красноватую жидкость, пахнущую плохим спиртом, по стопкам.

– Ну, Алеха, за тебя! – буркнул дед и лихо опрокинул содержимое в рот. Крякнул и потянулся за бутылкой, чтобы налить по второй.

Так и встретили мое сорокавосьмилетие. Бутылка наливки, пяток картошек, лук и шматок сала. Хлеба не было. Посидели, вспоминая прошлые годы, повздыхали и запели. Запели, точнее, Дарья с Кузьмичом, а я ушел в кабинет.

Пора было принять решение: что делать дальше? И я принял.

Гранаты и «наган» отнес в кабинет и положил на стол. Скользнул взглядом по стенам – и замер... На меня смотрели три счастливых лица: мое собственное, Катинино и Димкино. Это мы в Ялте в девятьсот десятом. Димке только что исполнилось пять лет, и мы повезли его на море.

Сняв фотографию со стены и аккуратно выставив стекло, я вынул ее из рамки. Нечего ей тут висеть, все равно сожгут или выбросят. И пошел вдоль стен, снимая фотографии родителей и друзей. Солидный контр-адмирал в черной шинели и фуражке на фоне Адмиралтейства – это мой отец, Муромцев Константин Петрович. Мама с Димкой на руках, ему тут годика полтора. А это мичман Берг. А здесь мы с Истоминым во Владике. Только что прибыли из Сеула – и сразу в фотоателье: запечатлеть новые Георгиевские кресты за операцию по подрыву «Варяга». Было и такое...

Где они сейчас, мои друзья? Последний раз с Истоминым мы виделись в начале войны в Севастополе. А Берга я встретил в Петрограде прошлой осенью с разбитым в кровь лицом. Вступился он за гимназистку и получил прикладом по морде, еле ноги унес. Общались мы с ним минут десять, покурили и разошлись дворами, прячась в тени домов и украдкой обходя матерящиеся патрули.

* * *

Собрал все самое дорогое для меня, сложил в стопку и перевязал веревкой. На диване уже стоял вещмешок, куда я и сунул фотографии, гранаты и «наган».

Порылся в ящиках, разыскивая дневники отца. Дневников я не нашел, зато мне попался конверт, в котором лежали сложенные пополам листы, исписанные мелким почерком, – копия докладной записки на имя морского министра о недоделках крейсера «Варяг». Отец был членом комиссии и отказался ставить свою подпись под протоколом испытаний. Крейсер все же приняли, а отца турнули с флота. Силы были явно не равны: купленная верхушка министерства во главе с дядей императора против горстки адмиралов, готовых умереть за флот и Россию. Умереть им не дали, а банально отправили в отставку, одним росчерком пера закрыв тему разногласий по поводу качества нашего флота.

Перебирая ссохшиеся от времени листы, я думал о превратностях судьбы: отец принимал крейсер, а я пустил его на дно. *C'est la vie*. «Варяг» для меня был больше чем крейсер. Для меня это была конечная точка, поставившая жирный крест на замашках карьериста и закоренелого холостяка, так называемая точка невозврата, после которой Петербург с его блеском и напыщенностью ушел на задний план, уступив место провинциальному Порт-Артуру. В сентябре девятьсот третьего с императорской яхты «Штандарт», причалившей возле баков Петропавловской крепости, на берег сошел капитан второго ранга Алексей Константинович Муромцев. А ровно через три месяца на «Варяг» поднялся матрос второй статьи Алексей Муромцев, разжалованный за драку и поведение, позорящее честь и достоинство офицера. С другой стороны, «Варяг» подарил мне Катю и стал моим крестным отцом, перемолов амбиции и снобизм и навсегда изменив мое отношение к жизни.

Я не знал, что делать с отцовскими бумагами, и сунул их в вещмешок – так, на всякий случай. Вынул из книжного шкафа Атлас Российской империи и вырвал из него карту Области войска Донского. Где-то на Дону Алексеев собирал добровольцев. Туда и лежал мой путь. Я аккуратно сложил листы и сунул их в нагрудный карман.

Постоял, осматриваясь и раздумывая, что бы еще забрать на память о доме, который я никогда уже не увижу. Забрать хотелось все. Все было дорого и мило: от кованых бронзовых подсвечников, стоящих на столе, до тяжелых напольных часов голландской фирмы «Томсон и сыновья». Все не унести. Не тот случай. Вздохнул, перекрестился и, прихватив вещмешок, вышел из кабинета.

* * *

Винчестер я подарил Кузьмичу, чем вызвал у старика несказанную радость. Фарфоровый сервиз, выпущенный к годовщине битвы «Варяга» и «Корейца», отдал Дарье. Это была даже не память, это была целая жизнь, прожитая за один день. Жалко его было оставлять, но тащить с собой полсотни тарелок и чашек было просто бессмысленно.

Прощались недолго. Без слез, с одними только вздохами.

– Катюше и Димке привет от нас передай, – шептала Дарья, увязывая узелок с остатками праздничного обеда. – Ох, Господи, да что же это за жизнь такая наступила...

– Не скули, – хлюпал Кузьмич носом. – Прорвемся. – Он потоптался, почесывая затылок, и шагнул ко мне. – Снимай!

– Что? – не понял я.

– Шинель снимай. – Кузьмич стащил с себя рваную, засаленную фуфайку и сунул мне в руки. – В своей одежде ты и за околицу не выйдешь, шлепнут или в ЧК заберут. А там все равно шлепнут.

Он был прав. Офицерская шинель с некоторых пор из символа успеха превратилась в стопроцентный пропуск на тот свет.

Обнялись по-родственному, поцеловались на прощание – и я толкнул дверь, принимая на себя зной занимающегося летнего дня.

– Ну, будьте здоровы!

– Не поминай и ты нас лихом, Алексей Константинович!

Так и расстались... Навсегда...

Часть первая Приказано не раздражать

Глава 1 Желтое море. Декабрь 1903 г

– «За недостойное поведение, в отношении статского советника Арсения Павловича Слизнева, а также в силу того, что лейтенант Алексей Муромцев не пожелал принести свои извинения вышеназванной персоне и не раскаялся в содеянном, суд постановил...» – Председатель военно-окружного суда поднял пенсне и посмотрел на меня, ожидая раскаяния. Раскаяния не было, и он, опустив голову, погрузился в текст постановления: – «...исключить лейтенанта Муромцева Алексея Константиновича из списков гвардии, разжаловать в рядовые и перевести на флот. Без права досрочного получения офицерского чина в мирное время».

Я вздрогнул и открыл глаза.

В кубрике было темно. На веревках раскачивались бушлаты и тельняшки. Пахло кислотой, потом и сыростью. Сырость дала толчок появлению черной плесени, влажным, вечно не просыхающим простыням и глухому ухающему кашлю, предвестнику чахотки. С температурой лежала почти половина новобранцев. Вторую половину доконала непрекращающаяся болтанка. Молодые здоровые парни, непривычные к морской качке, обхватив ведра руками, познавали симптомы морской болезни непосредственно в кубрике, не имея сил и мужества выбраться наверх под нескончаемые потоки дождя и перекатывающиеся через палубу волны.

Достал часы. Стрелки показывали полпятого.

До подъема еще полтора часа. Само понятие «подъем» после выхода из Кронштадта соблюдалось лишь до Калькутты. После Калькутты к начальнику команды, сопровождающей новобранцев, пришел судовой врач и без обиняков и исключительно матом сообщил штабс-капитану Мальцеву, что тот мудака. И если он не прекратит каждый день мариновать будущих матросов императорского флота на палубе под проливным дождем, он не ручается за себя и, по всей видимости, этой же ночью скинет штабс-капитана за борт.

На вопрос: «Что же вас не устраивает, голубчик?» – судовой врач высморкался и сказал: «Да все! Мать твою! У меня лазарет забит до отказа. Количество нуждающихся в хинине только за сутки выросло в два раза. Мне своих лечить нечем, а тут ты еще каждый день молодняк подкидываешь. Еще пару раз устроишь построение – и некого будет строить». Развернулся и ушел, помахивая стетоскопом.

Мальцев хоть был служака, но с головой. Прикинул, что за убыль с него спросят вдвойне, и махнул рукой на построения и переключку, верно рассудив, что вверенные ему лица все равно никуда не денутся с корабля. А вот смертность от лихоимки ему ни к чему. Это он тропическую лихорадку так называл, которая, словно из пулемета, косила новобранцев и членов команды.

Ухватившись за поручни, я подтянулся и сел. Сел как мог...

В подвесной кровати лучше лежать, чем сидеть. С потолка капало, пароход скрипел и ходил ходуном, взлетая и оседая на волне. Чей-то глухой голос за переборкой требовал включить помпу.

– Помпу, помпу включай, – кричал голос. – Тащи в машинное отделение. Люк задрай, бестолочь.

Все такое родное почему-то было чужим. Почему? Да потому, что вы облажались, господин Муромцев. Я вздохнул и спрыгнул с кровати, угодив ногой в чью-то блевотину.

Меня перекосило. Не глядя, сдернул с веревки чужую портянку и вытер ногу. Портянку кинул на пол. Надел ботинки на босу ногу, накиннул на плечи бушлат и как был в одном исподнем, так и пошел к трапу.

По моим расчетам, мы должны были три дня назад прийти в Порт-Артур. Но, похоже, «Аргунь» выбилась из графика и сильно тормозила из-за шторма.

После Манилы не было ни одного сухого дня. Вода нескончаемым потоком хлестала из прохудившегося неба, отчего морская гладь была похожа на гигантский бурлящий котел. Ураган, в который попала «Аргунь», пришел с востока, зародившись где-то в глубинах Тихого океана. Было такое ощущение, что циклон, несущий миллионы тонн воды, специально обогнул Филиппины, чтобы, ворвавшись в узкую горловину пролива Боши, найти и утопить пароход, шедший из Санкт-Петербурга в Порт-Артур.

Грозовой фронт сплошной темно-свинцовой пеленой затягивал горизонт, превращая день в ночь, а ночь в ад из-за ежеминутных всполохов и раскатов грома.

Возле трапа я чуть посторонился, пропуская мичмана и двух матросов, которые тащили бухту с паклей, ведро с колотой смолой и «пластырь», этакий щит для заделывания пробоин.

Наверное, течь. Ну и хрен с ней, с течью. На дно так на дно. Может, оно так и лучше. Вспомнил свое падение. Оно было красивым, но болезненным. Был ты, Алексей Константинович, офицер, а стал солдат, точнее, матрос второй статьи. Что же такого сделал Алексей Муромцев, что его по военно-полевому суду разжаловали до рядового? Что сделал, то сделал.

Я не жалею. Вот только горизонт как-то размылся и жизненную цель теперь не видать. Придется все начинать сначала, а так неохота.

– Почему не по форме, матрос? – рявкнул мичман, выводя меня из мира грез и воспоминаний.

«Не твоего ума дело», – хотел сказать в ответ. Даже рот открыл, но вовремя остановился.

– Виноват, господин мичман! Сильно мутит, могу и не добежать до клозета, – бодро отпартовал я, глядя в его ясные очи.

– Так беги, матрос, – тут он, наверное, почувствовал себя адмиралом Ушаковым, потечески журиющим нерадивого матроса.

– Бегу, ваше благородие! – от этих слов у меня аж скулы перекосило. Не привык я еще к новой роли.

Хотя мне теперь по уставу положено так отвечать. Я, конечно, мог подискутировать и объяснить докучливому офицеру его роль и место в жизни. И даже послать мог. И в морду дать, и на дуэль вызвать. Только зачем? С некоторых пор я должен научиться жить по-новому. Без амбиций и снобизма, без лоска столичного Петербурга, без блеска эполет и света фонарей на Невском. Кем бы я ни был, я должен быть человеком, а не капризным разжалованным офицером, затаившим злобу на весь мир.

Я улыбнулся, чувствуя, что сам Господь поддерживает меня в этом решении. Это он послал мне испытание.

– Начни жизнь с чистого листа, – сказал он и кинул меня, как Иова, в утробу киту, который, тарахтя паровыми машинами, вот уже третий месяц тащится к месту моего нового назначения.

Я вышел на палубу и достал сигареты, оглядывая горизонт. Дождя не было, но штормило баллов на пять, не меньше. Похоже, циклон снесло на юго-восток, и он ушел в сторону

Цайнды. Вокруг сплошной пеленой висел туман, сожрав две трети палубных надстроек и проглотив руку, вытаскивающую спички из кармана.

Я высек огонь и закурил.

Курить на палубе можно только в курилке, но идти туда было лень. Присел за паровым катером, спрятав сигарету в ладонь.

Провел рукой по обшивке ялика, за которым прятался. Бок был холодным и мокрым, но не обледеневшим. Был декабрь, и в этих широтах не редкость, когда столбик термометра опускается ниже нуля. В такие дни палуба превращается в каток, оснастка обрастает ледяными гирляндами, а вахта становится настоящим кошмаром.

Где-то в глубине туманного царства прокричал ревун, предупреждая, что какой-то корабль идет контркурсом. По звуку он был в трех-четырёх кабельтовых и, скорее всего, шел в нашу сторону. «Аргунь» ответила протяжным гудком, извещая, что слышит его.

Ревун гукнул еще раз, и сквозь плотный занавес молочной пелены блеснул огонь сигнального фонаря. Раз, еще раз и еще раз, и тут же еще один сеанс светопередачи. Идущий к нам корабль семафорил с требованием: «Заглушить машины и встать на якорь». Я напрягся, всматриваясь в молочную пелену. Фонарь моргнул еще раз – и пошла передача: «Вы находитесь в территориальных водах Российской...»

И тут случилось чудо! «Аргунь» выскочила из пелены тумана, и моему взору открылась панорама залива и виднеющийся вдали город.

Все вокруг было грустным и неприветливым. Бескрайнее серое небо. Темное, почти свинцовое море и абсолютно голый каменистый хребет. Лишенные растительности скалы навевали тоску, усиливая и без того пронизывающий холод.

Море с шумом билось о берег, пенясь и выбрасывая в небо миллиарды брызг, искрящихся в лучах восходящего солнца. На сопках блеснули стволы береговых батарей и скрылись за очередным каменистым утесом.

Наперерез «Аргуни», рассекая темные воды залива, полным ходом шла канонерская лодка. По очертанию надстроек и орудийных башен это был корабль класса «Маньчжур» – один из типов судов нового поколения, быстроходных сторожевых кораблей, используемых для патрулирования внешнего рейда.

Я докурил, выбросил сигарету и пошел в кубрик, здраво рассудив, что сейчас дадут команду на подъем и построение. Уже в утробе кита почувствовал, как «Аргунь» сбросила обороты, заглушила двигатели и замерла, ожидая, когда на борт поднимется пограничная команда для осмотра судна и проверки документов.

* * *

Я уже застегивал бушлат, когда гроыхнула водонепроницаемая дверь и в проеме появилось заспанное лицо боцмана.

– Подъем! Вязать койки. Пять минут на сборы, сукины дети! – Не соизволив сделать и шага внутрь кубрика, боцман свистнул в дудку и исчез, метнувшись будить и поднимать матросов в других отсеках.

– Чего за суета, тонем, что ли? – пошутил кто-то из стариков, которых перебрасывали с Черноморского флота на Тихоокеанский для усиления плавсостава.

Шутка вызвала у новобранцев настоящую панику и страх.

– Караул, братцы, – заблажил кто-то из молодых, – тонем!

Молодежь заволновалась, чем вызвала гомерический смех среди старослужащих.

– Да не ори ты, как блажной, а говори с тактом и расстановкой, – поучал новобранца Михалыч. – Повторяй за мной: «Зная, что тонем, всем, кому давал денег займы, прощаю и требовать с них ничего не буду». Повтори.

– Всем, кому давал займы, прощаю и требовать денег с них не буду, – как попугай, прогундосил молодой матрос, чем вызвал очередной приступ смеха в кубрике.

Михалыч был из старослужащих, пожелавших остаться на флоте после окончания срока службы. Как он сказал: «Я кто в деревне? Да никто. Ни избы, ни жены, ни лошади. А здесь я человек! Меня наш командир корабля на «вы» называл. Говорит: «Ты, Михалыч, не подведи, когда котлы разогреем, чтоб как ласточка летели, а за мной не заржавеет. Всей команде кочегаров по поллитре проставлю». Ну мы и дали жару. Да так, что первыми пришли на ходовых учениях. Ох и погуляли тогда».

Михалыч отучился в Кронштадте на курсах кочегарных боцманов, сдал экзамены на унтер-офицера и вместе с погонями получил распределение на Тихоокеанский флот. Он не жалел об этом. Даже рад был сменить Черное море на Желтое. Не секрет, что на востоке и выслуга шла быстрее, и платили больше, и надежда была через один-два года в старшие боцманы выйти, а это уже кондуктор, имеющий право на мундир. Так что знал Михалыч, что делать и за что жилы рвать. В отличие от меня...

– А куда прибыли, дяденьки? – молодой понял, что над ним подтрунивают, и решил взять инициативу в свои руки.

– В Порт-Артур, племянничек, – буркнул Михалыч, ухмыляясь в пшеничные усы.

Дружный смех вогнал новобранца в краску. Люди устали от трехмесячного плавания, и радость от окончания мучений, сдобренная самой примитивной шуткой, готова была разорвать кубрик на части.

– В шеренгу по одному. Построение на палубе, с вещами. Пошли!!! – прокричал боцман, в очередной раз засунув голову в наш отсек.

* * *

Сто пятьдесят человек, прибывших для пополнения личного состава Второй Тихоокеанской эскадры, стояли на берегу, слушая торжественную речь командира порта, контр-адмирала Греве. За его спиной виднелись крепость и город, раскинувшийся у подножия гор. Над заливом плыл колокольный звон. Звонили в крепости, созывая народ к заутрене.

Я смотрел на город – и сердце сжималось от тоски. Ляотешань, Электрический утес. Старый и Новый город. Западный и Восточный бассейны. Золотая гора, Тигровый Хвост. Все эти слова были мне знакомы не понаслышке. Я был здесь в декабре 1897 года...

Стоп! Я даже вздрогнул. И сейчас декабрь. О боже! Или это мистика, или провидение судьбы.

Пять лет назад, 3 декабря, крейсер «Рюрик» вошел в залив, и мы остались здесь зимовать. Вместе с нами зимовали 9-й Восточносибирский стрелковый полк и 3-я батарея Восточносибирского артдивизиона. Через два месяца пришли два парохода, «Тамбов» и «Петербург», с которых выгрузили двадцать артиллерийских орудий, высадили 10-й Восточносибирский стрелковый полк, шесть рот крепостной артиллерии, саперная рота, две полевые батареи и сотня верхнеудинских казаков.

А еще через месяц, 16 марта 1898 года, над Золотой горой взвился Андреевский флаг под гром артиллерийского салюта и раскатистое «Ура!».

– Ура!!! – понеслось над строем.

По какому поводу кричали, я прослушал, но это было уже неважно. Я опять был в Порт-Артуре.

Глава 2

Муромы. Июль 1885 г

Перед глазами закачался камыш, застрекотали кузнечики, и запахло дурманом со свежескошенных лугов. И сразу откуда-то из глубины памяти донесся скрип уключин и шуршание водяных лилий под днищем неспешно плывущей лодочки.

Налегая на весла, я старался не подавать виду, что мне тяжело. На корме, опустив руки в воду, сидела Катя – дочка Андрея Александровича Румянцева, уездного доктора и нашего соседа по имению.

Их усадьба стояла в трех верстах от Муромов и называлась Федькино. Как рассказывал Катин отец, имение это получил их пращур, выходец из рязанских детей боярских, который и получил здесь земли по царской грамоте от лета 1648 года. Наши Муромы лет на сто моложе. Основал их мой прапрадед, выслужившийся из матросов в офицеры. Звали его Лука. А фамилии у него не было. Лука и все.

Забрали его сначала на Соломбальские верфи, что под Архангельском, там он года два плотничал, а весной 1726 года, как «Азов» стали на воду спускать, его и записали в матросы. Прямоком на корабль, который он строил. Так и оказался он в море.

Помню, любил рассказывать отец, как наш предок фамилию получил.

– Как же ты служить будешь, Лука? Без фамилии-то, – спрашивал его офицер.

– А мне что, – отвечал Лука. – Я тут один такой. Хошь плотником зови, хошь Лукой.

– Плотниковых у нас трое, а Лукиных вообще пять рыл. Надо же вас как-то различать.

Родом-то сам откуда?

– Из Мурома.

– Кто у нас с Мурома?

– Да никого, – ответил боцман.

– Вот и вопрос решился. Будешь Муромцев.

Так и пошел по морям Муромцевым. Смекалистый мужик был Лука. Через полгода его назначили боцманом, а еще через год, когда турки в Наваринской бухте проббили борт 60-фунтовым ядром и фрегат дал крен градусов в сорок от хлынувшей в дыру воды, мой предок кинулся в трюм и пробил топором переборку между отсеками, распределяя воду. Вода разошлась, фрегат осел, но выровнялся и остался на плаву. Вот так Лука и спас корабль. За сей подвиг был он произведен в мичманы, а через год получил унтер-лейтенанта. Так и потянулся дворянский род Муромцевых. От матроса до адмирала.

* * *

В глубине потемневшего от времени старого парка белел двухэтажный дом с колоннами и огромной верандой в виде застекленной ротонды. Усадьбу окружали кипы тополей, уносящихся вверх и разрывающих своими неохватными стволами непроходимые заросли ольхи и молодого ивняка, увитого плющом и паутиной, между молодой порослью которой темнели заросли крапивы и дикой смородины.

По тропинке, ведущей от дома к реке, неспешно прошла пара немолодых уже дам, кокетливо помахивая веерами, украшенными изящными павлиньими глазками. Дамы, переговариваясь между собой, не спеша спустились с косогора, обогнули топкую низину, еще не просохшую от прошедшего накануне дождя, и вышли на луг. Их белые шелковые наряды только на минуту мелькнули среди зарослей осоки и потянулись по залитому солнцем лугу,

сшибая головки незабудок и васильков и оставляя за собой дурманящий след из примятой травы.

Где-то в подернутом легкой поволокой небе свистнул жаворонок и нырнул в тень, прячась от разрастающегося зноя.

Со звонким лаем из чуть качнувшегося камыша выскочил спаниель и, поднимая за собой лохмотья болотной жижи, понесся вслед за дамами, растворяющимися в дрожащем мареве. Пробежав метров двадцать, он замер, втянул воздух, развернулся и не спеша засеменял к реке, откуда доносился аппетитный аромат от бурлящей на костре ухи.

Дымок от костра, смешанный с накипью похлебки, тонким ароматным шлейфом тянулся вдоль берега, заглушая запахи леса, болотной ряски и тины, густым налетом покрывающей торчащие из воды коряги.

Возле котелка, подвешенного на треноге, топтался Семеныч – отставной матрос лет шестидесяти, помнящий еще шомпола Николаевской армии. Длинный горбатый нос в окружении белесых бакенбард и такого же цвета усов придавал ему суровый вид непобедимого солдата, отмолотившего на благо царя и Отечества не один десяток лет. На его голове ловко сидела бескозырка с обрезанными ленточками и надписью «Крейсер Полтава».

Семеныч морщился от дыма и, словно в некоем ритуальном танце, двигался по кругу, то и дело помешивая варево. Дрова были сырые, и костер нещадно дымил. Белесая дымка, меняя направление, плясала вслед за Семенычем, гоня отставного матроса по кругу и отпугивая от него назойливых комаров.

Недалеко от костра, засучив штанины, по колена в воде стояли двое мужчин с удочками. Одним из них, в накинутом на плечи кителе с погонами капитана 1 ранга, был Константин Петрович Муромцев – владелец усадьбы, прибывший в отпуск из Севастополя. Вторым – его сосед по имени Андрей Александрович Румянцев – уездный доктор.

Утренний клев прошел, и они маялись в надежде подцепить еще пару карасиков и красиво завершить так хорошо начавшийся день.

Румянцев нанизал толстого, пахнущего навозом червяка на крючок и повернулся к Константину Петровичу.

– У меня за последние полтора часа сложилось глубокое убеждение, что вся рыба покинула сии благодатные места и ушла вниз по течению.

– Н-да. – Муромцев махнул удилищем, запуская поплавок на всю длину лески. – А так хотелось закончить все на красивой поэтической ноте.

– Мало того, мне кажется, что рыба ушла добровольно и причем к моему злейшему врагу, господину Лысенко, являющемуся по совместительству предводителем уездного дворянства.

– Да полно тебе, Андрей Александрович, – отвлекаясь от созерцания окаменевшего поплавок, Муромцев посмотрел на соседа. – Дела давно минувших дней. Ну вырубил он у тебя с десяток деревьев, так и ты в долгу не остался, прописал ему касторки, от которой он неделю не выходил из сортира в попечительском собрании.

Мужчины дружно гоготнули и стали от скуки разминаться, разгоня собирающуюся возле ног ряску.

– По поводу Лысенко каюсь. Нарушил клятву Гиппократу, отчего пребывал некоторое время в состоянии депрессии.

Румянцев, измучив червяка и намучившись сам, швырнул его с досады в реку. Тихо булькнув, тот нырнул, и в месте его погружения тут же шаркнула переливающаяся в лучах солнца матовая спина сазана.

– Вот парадокс жизни, – доктор показал на тонкую рябь воды, – стоило мне только снять его с крючка, как его тут же записали в рацион.

– Петрович уху солил? – с поляны донесся хриловатый бас.

– Да.

– Тогда готово, – слышно было, как стукнула ложка о чугунок и Семеныч закричал, снимая котелок с треноги.

* * *

– Так, дети, закругляемся. – Отец поднял руку, ставя ладонь козырьком.

– Мы до протоки и назад! – крикнул я ему в ответ, старательно налегая на весла и разворачивая лодку.

– Только по-быстрому. Уха поспела.

К берегу вышли наши мамы: моя и Катина. С реки дыхнуло прохладой, и Катина мама, поставив руки рупором, крикнула нам вслед:

– Катя, тебе не холодно?

– Нет. – Катька даже не посмотрела в ту сторону, откуда кричала ее мама.

Я заметил это и счел нужным сделать ей замечание:

– Так не поступают девочки из благородных семей.

– Хватит меня учить, учитель. Дома учат, в гимназии учат, и ты еще взялся.

– Извини. – Я налег на весла, стараясь не обращать на ее выходы внимания.

– Принято, – буркнула она и опустила руки в воду.

Я знал, что она сумасбродная. Так ее назвала моя мама. Но Катя мне нравилась, особенно своей независимостью и смехом. Как она смеялась, я готов было слушать хоть целый день.

* * *

– Похоже, клева больше не будет. – Константин Петрович вынул из сумки хлеб и закинул в воду.

– Я же говорю, ушла рыба. Можно, конечно, на вечерке еще попробовать...

– А оно нам надо? Всю ее не выловишь.

– И то верно.

– Пошли, выпьем по маленькой, посидим, а там посмотрим... Может, и сходим на вечерку.

Мужчины вытащили из воды лески, ободрали прицепившуюся тину и лопухи и стали скручивать удочки.

Рядом с костром стояли плетеные кресла и деревянный стол, накрытый белой скатертью. Женщины остановились возле рыбаков, с интересом разглядывая плескающихся в ведре карасиков, постояли и пошли к столу, возле которого сутилась горничная Муромцевых Дарья, сервируя приборами стол. Женщины сели в кресла, Дарья налила им яблочного сока и пошла к дому, где в печи томился запеченный гусь.

Отсюда открывалась величественная панорама на пойму Оки, петляющую среди невысоких заросших берегов, за которой темной полосой стояли знаменитые муромские леса.

Со стороны Муромы не спеша шел пароходик, постукивая колесиками по воде.

– А что, Марья Федоровна, Алексей ваш как год закончил?

– Баллов набрал достаточно, чтобы перевели в следующий класс, только с поведением проблемы. Несдержанный он и горячий. Весь в отца. Чуть что – так сразу в драку лезет. Два раза хотели отчислить. Так отец в Петербург даже ездил, чтобы это исчадие из кадетского корпуса не турнули.

– У нас тоже не подарок. – Катина мать вздохнула и взяла со стола фужер с соком. – Растет словно пацанка какая или казачка. Все бы ей с кинжалом по двору носиться. Не барышня,

а абрек какой-то. Позавчера говорит: «Я за молоком в деревню схожу». Ушла – и нет ее, так пришлось Макара посылать. И представляете, она там с местными мальчишками битую на гумне гоняла. Еле притащили ее домой.

* * *

Я налег на весла, стараясь не отставать от удаляющегося парохода. Было жарко. По рубашке расплывалось темное пятно. Лодка была тяжелой и широкой. Грести было неудобно, и весла все время шмыгали по воде, проскальзывая и не давая хода. Напротив меня сидела Катя, девочка лет одиннадцати, одетая в белое кружевное платье и белую ажурную шляпку. Опустив руки в воду, она не сводила с меня взгляда, словно гипнотизировала. На самом деле, как я позже узнал, она просто фантазировала, рисуя себе картинку нашей будущей семейной жизни.

На палубе заиграл оркестр, исполняя бравурный марш. Пароход как бы попрощался с маленьким эскортом в виде утлой лодчонки и прибавил ходу. Осознав тщетность своих усилий, я бросил грести и с тоской стал смотреть на удаляющийся пароход.

На мостик поднялся капитан. Взглянул на лодку, в которой сидел мальчик в белой рубашке, черных брючках и фуражке Морского кадетского корпуса, и отдал честь, салютуя то ли в шутку, то ли всерьез будущему морскому офицеру.

Поддаваясь внутреннему инстинкту на приветствие ответить приветствием и чувствуя себя причастным к таинству офицерского братства, я машинально вскочил и кинул руку к козырьку. С парохода ответили длинным протяжным гудком, оглашая окрестности утробным ревом.

– Вот вырасту и тоже стану капитаном. – Я глянул на Катю, стараясь в то же время не упустить из виду удаляющийся пароход. – А ты кем хочешь быть, а, Катя?

– Твоей женой. – Она засмеялась и, чтобы скрыть румянец, заливший лицо, зачерпнула ладошкой воду и плеснула в меня.

– Глупая ты, Катюшка. – Я отвернулся от нее, никак не прореагировав на брызги, попавшие мне на рубашку и на лицо.

Катя Румянцева не была бы Катей Румянцевой, той самой пацанкой, казачкой и абреком одновременно, о которой говорила ее мама, если бы стерпела такое к себе отношение. «Обиды нельзя прощать» – это было ее кредо, с которым она собиралась строить свою будущую жизнь.

– Сам дурак! – буркнула она, парируя мою фразу и, резко навалившись на правый борт, раскачивая и без того неустойчивое суденышко. Лодка качнулась всего-то на пять-десять градусов, но этого оказалось достаточно, чтобы я потерял равновесие и полетел через борт, поднимая над собой целый фонтан брызг.

Не обращая на меня внимания, Катя пересела на мое место и взялась за весла. Заправски, словно всю жизнь гоняла шаланды по морям, она задрала правое весло, выгребая левым. Как говорят на флоте, табанила она мастерски. Выправила нос и медленно погребла к берегу, почти полностью окуная весла в воду.

Я вынырнул из воды, отфыркиваясь и стаскивая прилипшие к лицу водоросли. Покрутил головой, раздумывая, в какую сторону плыть. Дилемма была серьезная: погнаться за обидчицей и наказать ее, сбросив в воду, или плыть за фуражкой, которую подхватило течение и сносило к противоположному берегу.

«Ты будущий офицер, а не пацан, мстящий за мелкие обиды, – вспомнил я слова отца, сказанные им на педсовете после очередной драки, которую я учинил. – Кулаки нужны, чтобы защищать честь женщины, честь офицера и честь Родины. Все остальное надо решать

дипломатическим путем. Этот девиз должен стать смыслом твоей жизни. Ты понял, о чем я говорю?»

«Что ты ответил тогда?» – спросил внутренний голос. Я ответил: «Да».

Вздыхнул, наблюдая, как лодка ткнулась носом в камыши, опустил лицо в воду и пошел кролем, нагоняя уплывающую фуражку.

* * *

После ухи и мяса на деревянных палочках Семеныч принес на луг патефон и, прокрутив ручку, пробухтел своим сиплым, прокуренным голосом:

– Дамы приглашают кавалеров, – схватил Дарью за руку, привлек к себе и как мог закружил ее по поляне.

Отец усмехнулся, глядя на его выкрутасы, и встал. Галантно расправил усы и, подмигнув Андрею Александровичу, склонился к жене и что-то зашептал ей на ухо. Мама покраснела, но, оправив складки платья, встала и подала ему руку.

– Ну что же, гусар, рискните, – сделала шаг ему навстречу, вложила свою руку в его, и они поплыли, поддаваясь энергии венского вальса.

Андрей Александрович посмотрел в их сторону и перевел взгляд на супругу. Быть на вторых ролях он не привык и грациозно протянул руку своей жене. Она улыбнулась и встала.

Пары кружились вокруг костра, утопая в звуках патефона и ароматах мятой травы.

Только мы с Катькой сидели у костра и молчали. Я сопел, глядя на подсыхающую форму, развешанную на дереве, а она что-то рисовала на земле.

Рисовала той самой хворостиной, которую ее отец сломал специально для нее. Поводом к театральной постановке с громким названием «Девочка и утопленник» стало прибытие Катюхи с лицом, перепачканным тиной, в рваном платье и с содранными до крови коленками. На крики моих родителей, что случилось и где Алексей, она потупилась и сказала:

– Утоп, наверное.

А потом была истерика у моей матери, бег мужчин через камыши и крапиву к реке, запахи валерьянки на поляне и радостные вопли при виде меня, подгребающего к берегу.

После этого Андрей Александрович и сломал хворостину. Катин отец грозно махал ею в воздухе, требуя справедливого возмездия за столь дурацкую шутку.

– За сей бесчестный поступок, – как он выразился, – и оставление человека в воде при наличии плавсредства и места в нем будешь лишена фруктов и варенья.

– Больно надо. – Катя глянула на меня исподлобья, думая, наверное, о том, что шутка получилась смешной, но в силу консерватизма ее никто не оценил. Кроме нее.

Мой отец только улыбался, глядя, как мать стаскивает с меня мокрое белье.

– Да ладно тебе, Александрыч, не гуди. Дело молодое, мы же не знаем, что там произошло. Может, он к ней приставал.

– Ты приставал к Кате? – Мама дернула меня за руку так, что я чуть не лишился этой части тела.

– Нет.

– Не ври матери, – я первый раз в жизни услышал эту фразу и понял, что мама, получив ее в наследство от моей бабушки, берегла ее на самый крайний случай. И случай представился.

– Нет, не приставал, – сказал я и глянул на Катюху.

Она была похожа на маленького зверька, попавшего в силки. Она не плакала, а только хмурилась. Но я чувствовал, что ее огромные глаза, похожие на два бездонных синих озера, были переполненные влагой из-за такой вопиющей несправедливости. Ну сбросила пацана в реку, ну пошутила неуместно, ну и что тут такого... Так нет, раздули проблему. Мне стало ее жалко, и я решил покончить с этой никому не нужной трагикомедией.

– Я замуж предложил ей выйти, вот она и столкнула меня в реку.

– За кого? – Катин отец не сразу понял, что я сказал. Посмотрел на меня и опустил хворостину.

– За меня. – Я развел руки, как бы говоря: «А что тут такого?»

Из двух шуток, услышанных ими за сегодня, эта была самая веселая. Хохотали все, кто был на поляне, за исключением меня и Катюхи. Насмеявшись вволю, они наконец-то оставили нас в покое и дружно переместились за стол, где с удвоенным аппетитом стали поглощать гуся, запивая все это мадерой, пивом и медовухой.

А мы сидели и ждали, когда закончится этот нескончаемый день.

– Так и будем молчать? – Я посмотрел на Катю.

Она улыбнулась и не ответила. Босой ногой затерла что-то на земле и стала старательно выводить буквы, вдавливая конец прутика в мягкую податливую землю. Я понял, что она пишет, уже по первым буквам. Я подвинулся к ней, схватил за плечи и чмокнул в щеку.

Хворостина выпала из ее рук, и она замерла, словно каменное изваяние. А предложение так и осталось недописанным, навсегда лишившись окончания и смысла и имея вместо трех слов всего два: «Я тебя...»

Глава 3

Порт-Артур. Декабрь 1903 г

Город нельзя было узнать. За пять лет из китайского захолустья он превратился в крупный порт, имеющий все права называться цивилизацией. Лоск был настоян на китайской экзотике и европейской планировке: от этого Порт-Артур имел свой неповторимый дальневосточный колорит.

Горы окружали его с трех сторон и как бы брали в кольцо, подпирая хребтами к заливу. Если смотреть на Порт-Артур, то все горы, что высились слева, носили русские названия: Золотая, Высокая, Длинная, Угловая, Боковая, Трехголовая, Орлиное гнездо. А все, что справа – китайские: Сяогушань, Дагушань. И никто не мог объяснить почему.

В залив впадала река Лунхе, которая делила Порт-Артур на две части: Старый и Новый город. Вдоль русла тянулась железная дорога, увозящая и привозящая пассажиров из далекой России. С горных вершин открывался изумительный вид на внутренний бассейн, где целыми днями сновали ремонтные баркасы и катера связи, нарезая петли между крейсерами и миноносцами. В неглубокой котловине лежало Пресноводное озеро, вокруг которого в беспорядке ютились здания Инженерного ведомства.

Полоса берега между Пресноводным озером, Крестовой горой и морем была застроена коттеджами, утопающими в буйной маньчжурской зелени. Это был район офицерских дач.

Новый город играл роль административного центра. Именно здесь были Главный штаб флотилии, Инженерное управление, Русско-китайский банк, летний сад, реальное училище и основное сосредоточие прочих казенных зданий и жилых домов. Многочисленные одноэтажные казармы, здание флотского экипажа и небольшие офицерские домики заполняли все пространство, примыкающее к самой главной улице всего Порт-Артура – Морской. На мысу с поэтичным названием Тигровый Хвост располагался Минный городок со складами и небольшим доком для миноносцев. Здесь же были портовые мастерские, угольные склады и судоремонтный завод.

На противоположной стороне залива раскинулся Старый город, за которым тянулась взрыхленная холмами местность вплоть до горы Большой. Под горой разросся Китайский город – или, как его называли русские, «Китайский квартал» – с его знаменитым рынком, многочисленными магазинчиками, чайными домиками и курильнями опиума.

Территория порта и сам город освещались от центральной портовой электростанции. Почта и телеграф были в Старом городе, здесь же находился ресторан «Саратов», гостиница «Звездочка» и железнодорожный вокзал. Порт-Артурский сводный береговой госпиталь, морской лазарет, городская лечебница и больница Мариинской общины сестер милосердия, редакция, типография и книжный магазин. За рекой в поросшей ивняком лощине располагался Суворовский плац, а сразу за ним между деревьями виднелись православные кресты русского кладбища.

* * *

Под полотняным навесом длинной лентой вытянулись столы, за которыми сидели наши благодетели: офицеры и чиновники от военно-морского ведомства, разбирающие и распределяющие пополнение. К столам, словно змеи, тянулись длинные очереди из новобранцев, пересыльных и старослужащих, сошедших на берег с «Аргуни» и «Сишана» – парохода, пришедшего вслед за нами из Владивостока.

Парусиновый чемодан стоял возле моих ног. В правой руке я сжимал карточку матроса: этакий послушной список. Декабрьский ветер чуть шевелил ленточки на бескозырке и задувал в широкие штанины, которые матросы на своем языке называли «кlesh».

Громыхнув башмаками по деревянному настилу, от стола отошел получивший направление Михалыч. Прощаться было не принято, особенно с теми, кто ожидал своей очереди. Он махнул мне рукой и пошел к берегу разыскивать баркас, приписанный к кораблю, на который его назначили.

Очередь колыхнулась. Новобранец, стоящий передо мной, подхватил чемодан и шагнул к столу, протягивая карточку. Я переступил и стал на его место, готовясь получить распределение и отправиться в неизвестность.

Хотя сама эта неизвестность отчасти мне была известна и можно было с определенной долей вероятности предсказать ход дальнейших событий. Через три-четыре года, при достаточной моей расторопности и исполнительности, я получу чин кондуктора, а еще через полгода – погоны мичмана. О карьере адмирала не может быть речи, но, вернув погоны, я смогу спокойно выйти в отставку и долгими зимними вечерами, сидя у камина, рассказывать детям, за что их папашу разжаловали в рядовые. В принципе я и сейчас мог бы оставить службу, но уйти в мирскую жизнь флотскому офицеру с приставкой «бывший» было для меня нереально. Дело скорее не во мне, дело в Муромцеве-старшем. Последнее время он просто помешался на службе и на традициях нашего рода, отдавших Российскому флоту почти сто пятьдесят лет. Уйти в отставку рядовым означало убить его наповал. Это было сверх моих сил, и поэтому я с завидным терпением переминался с ноги на ногу, ожидая решения своей участи.

– Карточку! – крикнул мордастый офицер с погонами капитана третьего ранга и, не глядя на подошедшего новобранца, забрал из его рук документ и кинул на стол. – Фамилия? Имя? – Офицер открыл журнал учета.

– Белоногов Иван. – Голос у новобранца осип – то ли от волнения, то ли от холодного ветра, дующего с залива.

– Специальность? – Офицер лихо черкнул в карточке и, наклонившись к соседу по столу, что-то сказал ему на ухо. Тот глянул на новобранца и рассмеялся – нагло и откровенно.

– Из крестьян мы.

– Оно и видно, что из холопов, – офицер хамил, и мне захотелось вступиться за бедолагу.

Ну не имел он права так себя вести, не имел.

Вся моя сущность сжалась, и внизу живота заныло от ощущения несправедливости и адского желания дать ему в морду. Я помотал головой, отгоняя от себя глупую и навязчивую идею, от которой мне прока было бы ноль. В лучшем случае карцер, в худшем – еще один военно-окружной суд и, как следствие, каторга. Было ощущение того, что судьба втягивает меня в некую игру, где мне отводится роль винтика, который не хочет крутиться в нужном направлении и в любом случае должен что-то сломать, а в худшем – изменить ход истории.

Вот это я вывернул!

Ну прямо полководец какой или стратег от большой политики, от которого зависит судьба мира. Мне стало смешно, и я перевел взгляд на залив, где в утренней дымке барражировали катера, развозя пополнение по кораблям, маячившим на рейде.

– Кочегаром на «Варяг», – услышал я вердикт, вынесенный новобранцу, а стук печати известил о зачислении его в штат Второй Тихоокеанской эскадры. Повезло парню. Хороший крейсер с хорошими традициями и отличным капитаном.

– Следующий!

А вот это уже касалось лично меня. Ноги налились свинцом, как будто мне семь лет и я впервые переступаю порог Морского кадетского корпуса. Я преодолел секундную сла-

бость и нагнулся, поднимая с настила чемодан. Одни и те же движения следуют за выкриком «Следующий!»: нагнулся, взялся за ручку и выпрямился, держа в левой руке свой нехитрый скарб, а в правой – свою послужную карточку. Шаг к столу, протянутая карточка – и тут же наклон, ставящий чемодан на помост.

– Фамилия? Имя?

– Муромцев Алексей.

Никаких отчеств и приставок, такой удел рядового и в армии, и на флоте.

Офицер-распределитель вписал меня в журнал учета и задал свой сакраментальный вопрос:

– Специальность?

– Инженер-механик, – бойко выдал я, наблюдая, как в его глазах появилась легкая поволока, говорящая о том, что капитан третьего ранга близок к обмороку. «Какой инженер, какой механик?» – крутилось у него в голове, разрушая его мозг и стереотипы. На вопрос «специальность» следует отвечать: «Из крестьян» или «Из мещан», или, на крайний случай, «Из рабочих». Но никак не «инженер-механик», что само по себе является прерогативой дворян. Того самого класса, с которым только он один себя и отождествляет.

Зубы скрипнули, он сдержался и не упал.

– Заряжающим на «Стерегущий».

Вот это он меня уделал. Плевать, что в карточке был мой послужной список. Он ее даже не читал. Правильно. А зачем ее читать? Зачем флоту профессионалы – инженеры, механики? Незачем, рассудил капитан третьего ранга и сунул меня заряжающим. Я не в обиде, послужим и заряжающим, только ради чего добавлять в кашу деготь? Ради того, что тебе не по душе мой ответ или тебе не понравился лично я. Так при чем тут флот?

* * *

– Зачислите Муромцева на «Варяг»!

Я это не говорил... Поднял глаза – и обомлел. За спиной офицера стоял Всеволод Федорович Руднев – командир крейсера «Варяг». Руднева я знал лично. Он когда-то служил с отцом и несколько раз гостил у нас в имении.

Я перевел взгляд на капитана третьего ранга. Он смотрел на меня как на чудо, не понимая, как я мог послушаться и что-то там брякнуть, пытаюсь внести корректировку в его окончательное решение. И еще я видел, как его лицо покрылось бурыми пятнами, во рту скопилось слюна, а в горле заклокотала ярость, готовая обрушиться на меня горной лавиной.

– Ты что, плохо слышишь?

Это была еще не ярость. Это была прелюдия, раскачивающая его спящее эго. Он сделал ход и ждал моего ответа, чтобы перейти в атаку. Хотя, по существу, мой ответ ему был не нужен. Ему нужна была передышка, чтобы собраться с мыслями и решить, чем меня размазать по пристани – словом или табуреткой.

– Да я вообще молчу. – Я пожал плечами, на сто процентов уверенный в том, что он сейчас сорвется.

И он сорвался.

– Молчать, скотина! – Его крик был похож на рев обезумевшего зверя, от которого сбежал его ужин.

Проблема была не в том, что я ответил. Проблема была в сути ответа. Ответ философа, нашедшего формулу умиротворения и не желающего утруждать себя спорами и перепалками с каким-то там ничтожеством. Это и озлобило его.

А его реплика – меня. Зря он сказал про скотину...

– Я тебе не скотина и попрошу на меня не орать, – вот так, спокойно и рассудительно, в присутствии старшего я осадил зарвавшегося офицера, не давая полностью окунуть себя в грязь. И честь соблюдена, и дистанция выдержана.

– Да как ты смеешь вякать, червяк? Да я тебя сгною в...

Дальше развить тираду он не успел. В конфликт вмешался Руднев, и узнать, где меня сгноят, не удалось.

– Офицер! Встать!

Если бы вы видели лицо каптриранга! Это было лицо человека, узревшего медного змея, посланного Богом для Моисея и его спутников. Руднев не был сатрапом и не дал офицеру умереть от разрыва сердца.

– Ту фразу сказал я... У вас есть ко мне вопросы? – мягко и без нажима проговорил он и взял со стола мою карточку.

Офицер замотал головой и заныл, пытаясь выдавить из себя хоть что-нибудь, кроме мычания.

– Зачислите матроса Муромцева на крейсер «Варяг». – Руднев протянул карточку, требуя, чтобы офицер переписал место приписки.

– Слушаюсь!

О возражении не могло быть и речи. Удар печати – и я зачислен на «Варяг».

* * *

Отошли метров тридцать и стали. Я был немного скован и, честно сказать, не знал, как себя вести. Если бы я был офицером – это одно. А как вести себя матросу, который лично знаком со своим командиром? Вот в этом и была загвоздка.

Руднев первым прервал молчание.

– Давай обнимемся, что ли, по-свойски.

После объятий и поздравлений насчет моего зачисления на крейсер Руднев расстегнул шинель, вынул и протянул мне письмо. Письмо было от родителей.

– Откуда оно у вас? – Я был немало удивлен. Здесь, на краю света, я получил письмо, которое опередило меня, судя по штемпелю, почти на месяц.

– С поездом передали. Сам знаешь, по железке сюда гораздо быстрее можно доехать, чем по морю. – Руднев ухмыльнулся. – Кстати, было два письма: одно для тебя, второе мне.

– Отец просил за меня?

– Разумеется.

– Может, зря все это, Всеволод Федорович?

Я был не очень доволен тем, что отец вмешивается в мою жизнь, пытаясь устроить меня по службе и облегчить мою участь. На этот счет у меня свое мнение, и я готовился принять вызов, брошенный мне судьбой, таким, каким он есть. А за свои ошибки и поступки – отвечать самому.

– Зря не зря, а я у него мичманом начинал, на «Петропавловске». – Руднев отдал честь проходящим мимо нас матросам, посмотрел им вслед и повернулся ко мне. – И знаешь, Алексей, ведь и за меня матушка когда-то хлопотала, и ничего зазорного в этом нет. Дети для родителей всегда будут детьми, где бы те ни были и как бы ни сложилась их жизнь. Так что не держи зла на отца. Ты для него так и останешься Алешкой, даже когда твои внуки по тебе будут скакать.

– Да я и не держал.

Как все командиры, Руднев был не только отличным тактиком и стратегом, но и хорошим психологом, тонко чувствующим настроение своих людей и своей команды. Поэтому он сменил тему разговора:

– Я читал твое дело. Этот тип сделал все, чтобы тебя осудили...

Я молчал. А что я скажу? Все так и было. Козырной король побил козырного валета. Связи побили связи. Да так оно и лучше. Испытания нам даются для очищения и души, и тела.

– На твоем месте я поступил бы точно так же.

Руднев был человеком чести. Об этом я знал не понаслышке. И иного высказывания по поводу моей сентябрьской выходки на Васильевском острове я от него услышать не мог.

– Я защищал честь женщины, и если бы мне пришлось пережить этот день еще раз, я бы ничего не стал менять.

Мы остановились.

– Кем желаешь служить?

– Я механик.

– Ну и добро. Сегодня утром получен приказ от командующего эскадрой вице-адмирала Старка идти в Корею в качестве стационара. Обстановка там напряженная, и что нас ждет – никто не знает. Японцы положили глаз на Корею и с молчаливого согласия янки лезут туда нахрапом. Так что все может кончиться войной, и твои знания и опыт нам весьма пригодятся.

Пока мы стояли, я успел покурить. Замял сигарету, и мы пошли к причалу, возле которого покачивался паровой катер.

* * *

В катере сидели матросы с «Варяга» и несколько новичков. Я кинул через борт чемодан и полез следом, выглядывая, где бы притулиться. Нашел место и сел.

И тут крик...

– Не пропадем, братцы, Алеха с нами!

Смотрю – и глазам своим не верю. В катере сидит Михалыч собственной персоной. Увидел меня, руки расставил и полез обниматься. Следом за ним ко мне шагнул Малахов – тот самый, что пугал новобранцев тонущей «Аргунью». А третьим был новобранец, стоявший передо мной, – Белоногов Иван.

Бог ты мой! До чего же приятно видеть знакомые лица. Впервые с того самого момента, как «Аргунь» покинула Кронштадт, я был поистине счастлив и рад, что судьба посадила меня на этот катер.

Делать нечего, отвечаю как могу:

– А куда я от вас денусь?

– Ну тогда послужим царю и Отечеству. – Михалыч был в своем репертуаре.

Руднев переговорил с сигнальщиком и дал отмашку. Матросы вытравили канат, и катер, стуча паровым движком, отошел от причала.

Метрах в трехстах от берега нас качнуло на волне – мимо, в тумане, прошел малый крейсер, направляясь на выход из залива.

– «Варяг», дяденьки? – Новобранца просто распирало увидеть крейсер, о котором ходили легенды.

– Мелковат что-то. – Малахов приложил руку ко лбу, пытаясь прочитать надпись на борту.

– Это «Новик». Крейсер второго ранга, – сказал я, узнав его по надстройкам и типу орудийных башен.

– А «Варяг»? Какой он? – прилип ко мне новобранец, решив, что я единственный знаток на флоте.

– Увидишь! Сам поймешь, – улыбнулся я, глядя на наплывающую на нас махину с надписью на борту «Варяг».

* * *

Руднев посмотрел на нас, улыбнулся и отошел в сторону. Из уже вскрытого конверта извлек письмо, доставленное фельдъегерем из канцелярии Старка полчаса назад. Развернул и, придерживая трепещущий на ветру лист бумаги, стал еще раз перечитывать предписание начальника эскадры.

Крейсер «Варяг»
Капитану 1 ранга Рудневу В. Ф.

Предписываю вверенному вам судну 16-го декабря в полдень сняться с якоря и с 12-узловой скоростью следовать в Чемульпо, где вам надлежит организовать надежную связь между Порт-Артуром и русским посланником в Сеуле, графом Павловым. Есть подозрения, что японцы умышленно задерживают наши телеграммы. Прошу вас по прибытии собрать сведения о деятельности Японии в отношении Кореи и опровергнуть или подтвердить слухи о намечающейся оккупации этого государства. Во время перехода в целях повышения боеготовности крейсера вам разрешается провести подготовительные стрельбы, но не более трех снарядов на орудие, по пятнадцать выстрелов на пулемет и сто тридцать выстрелов трехлинейными патронами. Стрельбы следует провести возле скалы Энкоунтер, что в двадцати двух милях от Порт-Артура.

Командующий Тихоокеанской эскадрой
Вице-адмирал Старк

P. S.

Таблица нормативов по расходу угля и боеприпасов прилагается.

Руднев был в ярости. Мало того что за каждую тонну перерасходованного угля штрафовали всю команду, так еще и экономили на боеприпасах. Чему может научиться комендор, делая по три выстрела в неделю, если 152-миллиметровое орудие главного калибра стреляет со скоростью шесть выстрелов в минуту? Как может научиться пулеметчик перехватывать торпеды, если ему разрешается делать только 15 выстрелов, и это при том, что скорострельность пулеметов – 600 выстрелов в минуту?

Осенью с «Варяга» списали большую группу старослужащих матросов, принимавших крейсер еще в Америке и приведших его в Порт-Артур. На смену им пришли новобранцы. Почти наполовину сменился состав комендоров, минеров и машинистов. Как сказал Рудневу контр-адмирал Ухтомский: «К ноябрю на эскадре списали более одной тысячи пятисот старослужащих, в том числе пятьсот специалистов». А это, как правило, унтер-офицеры, боцманы и кондукторы – те, от кого зависит порядок на корабле.

Показатели такой чехарды были налицо.

В ноябре, во время учений, когда на крейсере пробили дробь-тревогу, орудия были готовы к бою только через 21 минуту, а пластырь по водяной тревоге подвели за 9 минут.

Поэтому Руднев был мысленно благодарен отцу Алексея Муромцева за его письмо с просьбой пристроить сына. Кадрами, особенно такими как Муромцев, на флоте не разбрасываются. И то, что нерадивый офицер-распределитель, от которого зависит наполнение

флота, хотел запереть Муромцева заряжающим, – это беда. Беда не только для флота – для всей России: от них в какой-то мере зависела судьба страны.

Глава 4

Петербург. Ноябрь 1903 г

Невысокий мужчина с характерным азиатским лицом стоял возле окна и наслаждался приходом зимы. На нем был темный изысканный костюм, белая сорочка и дорогие английские туфли модельного дома Church, завоевавшего в 1900 году в Мюнхене три золотые медали в номинации «Мужские штиблеты».

За окном шел снег. В сером вечернем полумраке кружили белые хлопья, устилая город пушистым ковром. Лед на Неве еще не стал, но ледяная каша уже собиралась вокруг свай, подпирающих мосты. Господин Курино – военный атташе Страны восходящего солнца, хорошо знал русский язык, любил Некрасова и басни Крылова – эти русские парни и подтолкнули Курино собирать пословицы и поговорки. «Хотите узнать русских – идите в народ», – сказал ему перед отправкой в Петербург вице-адмирал Хораси Тогу. Курино не был дураком и со всей серьезностью отнесся к его словам.

– Нет снега – нет зимы. – Курино повернулся и посмотрел в глубь комнаты, где на диване восседал хозяин кабинета, действительный статский советник Слизнев.

– Вы хорошо изучили наши нравы, господин Курино. – Слизнев поерзал на диване.

Посланник еще раз глянул в окно, фиксируя в своем сознании сутуловатую фигуру дворника, ведущего бессмысленную битву со снегопадом. Задержав штору, подошел к дивану, чувствуя через подошву туфель мягкий ворс персидского ковра.

– Так как мы поступим, господин Слизнев?

– А если я откажусь? – Мужчина лет пятидесяти сдвинул брови, пытаясь построить некий барьер между собой и посланником.

– Это ваше право. Но тогда «Варяг» поставит крест на вашей карьере.

– При чем тут «Варяг»? – с раздражением бросил советник и посмотрел на японца.

– Вы знакомы с заключением комиссии, которую возглавлял инженер Успенский?

– Да! – наконец-то Слизнев понял, куда клонит япошка.

– А теперь вспомните, Арсений Павлович, кто подписывал Акт сдачи-приемки крейсера в Филадельфии?

– Там еще с десятков подписей, кроме моей.

– Но не все получали подарки.

Курино достал лист бумаги, испещренный трех- и четырехзначными цифрами.

– Что это? – Слизнев все еще пытался избежать удавки, которая неумолимо стягивала его шею.

– Это расписка, которую вы дали господину Крампу в обмен на подпись и залоговые векселя.

– Откуда она у вас?

– Господин Крамп – наш большой друг. И я ее вам с удовольствием отдам... Если и вы станете нашим другом.

– Что от меня требуется?

– Всего лишь малость...

Они были знакомы больше двух лет, и Курино, считавший себя хорошим психологом, только этой осенью смог понять, что толкнуло богатого русского барина идти на подлог и предательство интересов своей страны. Деньги? Их у него полно. Женщины? Они не интересовали Слизнева. Дом? Дом был, и не один. Тогда что? Что заставляет человека дико ненавидеть свою страну и свой народ и торговать военными секретами?

Ответ был прост, как чистый лист пергамента, на который не нанесено ни одной кандзи.

Унижение...

Шумиха, возникшая в конце лета вокруг фигуры Слизнева, внесла корректировки в их взаимоотношения, исключив всякое сношение почти на четыре месяца. За эти полгода Россия что-то сделала в плане перевооружения и укрепления своих позиций в Корее, а что – атташе не знал и от этого сильно страдал. Но военная разведка в Токио страдала еще больше от того, что находилась в неведении. Сама структура шпионажа на Дальнем Востоке, в Корее и на Ляодунском полуострове была поставлена с размахом. Но что творилось в петербургских кабинетах – этого в Токио не знали, и единственной ниточкой, дававшей хоть какую-то информацию, был Слизнев. Арсений Павлович – член особого комитета по делам Дальнего Востока, водивший дружбу с военным министром Куропаткиным, графом Ламсдорфом и был доверенным лицом Безобразова, которому во всем потакал сам император.

Потерю такого источника Курино бы никогда не простили. Поэтому он был мягок и строг одновременно, балансируя на грани фола. Ему нужно было сохранить расположение Слизнева и в то же время заставить его работать на себя.

Фразу, с которой он решил начать их беседу, Курино изменил и, вместо привычного «господин Слизнев», сказал: «Арсений Павлович».

– Арсений Павлович, вы своим поведением поставили под угрозу все наши договоренности. – Курино хотел добавить «дурацким», но промолчал.

– Я прошу прощения. Обстоятельства заставили меня уйти на некоторое время в тень. Ситуация была настолько нелепая, что под угрозой оказалось мое честное имя, и мне пришлось даже пару раз посетить военного прокурора, дабы он дал ход делу, ставшему для меня краеугольным.

– Мои вам соболезнования и сожаления о том, что вы попали в столь неприятную ситуацию.

– Полно вам, посланник, все в прошлом.

– Кстати, чем все закончилось?

– Этот мерзавец получил по заслугам и был разжалован в рядовые.

– У нас ему бы отрубили голову.

– Увы, мой друг, мы не в Японии, а в дикой варварской стране, претендующей на роль мировой державы.

В коридоре послышались шаги, скрипнула дверь, ведущая в кабинет, и в дверном проеме появилось прелестное создание, освещаемое трепетом свечей, в накинутом на плечи пуховом платке и с подсвечником в руке.

Это была жена Слизнева – Катя.

Она была на двадцать лет моложе мужа. Сама по себе цифра ничего не значила, если бы муж не стал впадать в старческий маразм, ревнуя жену ко всему, с чем соприкасаются ее руки.

Слизнев зачем-то поправил воротник халата и пошел к двери.

Ожидая, пока супруги насладятся беседой, проходящей в последнее время исключительно на повышенных тонах, посланник откинулся на спинку дивана, достал из бокового кармана байковую салфетку и принялся полировать перстень, стараясь не показывать, что вслушивается в беседу.

– Ты что-то хотела? – голос Слизнева из бархатистого и покладистого, которым он только что говорил с посланником, превратился в жесткий и желчный, не терпящий возражений.

– Мне надо поговорить с тобой. – Катя поправила сползающую шаль и посмотрела мужу в глаза.

– Я сейчас занят. Давай потом.

– Арсений, ты каждый день мне говоришь: «Поговорим потом». И это «потом» не наступает. Скажу честно: мне надоел твой нескончаемый поток лжи.

– Я прошу тебя. Не надо заводится и устраивать тут истерики. – Слизнев перешел на шепот, больше похожий на шипение змеи. – У меня гость, и будь любезна вести себя достойно и в соответствии со своим статусом.

– Да плевать я хотела на твой статус. – Катя развернулась и пошла к лестнице, ведущей на первый этаж.

Слизнев со злостью захлопнул дверь и повернул ключ.

– Я, конечно, вам не советчик, господин Слизнев, но в нашем деле желательно урегулировать ваши семейные взаимоотношения. Она вам не враг, она всего лишь заблудилась.

– Не враг! Да благодаря ее распушенности обо мне теперь судачит весь Петербург.

* * *

Курино понял, что надо срочно менять тему или он сегодня так и не поговорит о делах, которые привели его в дом на Васильевском острове. А вместо этого придется весь вечер выслушивать слезливую историю о том, как один ловелас наставил мужу рога, да еще и разбил лицо.

Он поднялся и подошел к буфету, внутри которого тускло поблескивала батарея коллекционного коньяка. Курино потянул дверцу на себя.

– Шикарная коллекция.

– Моя гордость. – Слизнев подошел и стал рядом.

Недаром лейтенант Курино был лучшим в Ногасакской разведшколе, особенно он блистал в психологии, просчитывая и выводя поведение оппонента со стопроцентной гарантией. Стоять возле буфета, наполненного коньяком, и не выпить, да еще в состоянии легкого аффекта, взвинтившего нервную систему, мог только святой. Слизнев им не был. И, по мнению японца, как только молчание затянется, прозвучит предложение выпить.

– Вам налить?

Курино даже опешил: предложение пришло гораздо быстрее, чем он думал.

– Не откажусь. К тому же, я нахожу три причины, по которым это надо сделать немедленно.

– Очень любопытно. – Арсений Павлович покопался в бутылках и вытащил пузатого уродца, на этикетке которого красовался герб Гаскони. – И какие же это причины, позвольте узнать?

– Первая причина – это то, что мерзавец, оскорбивший вас, наказан и за это надо выпить. Вторая причина – это благотворное влияние сего напитка на нервную систему человека и способность выводить его из состояния стресса. И третья причина – в моем лице Япония протягивает вам руку дружбы.

– Наверное, вы правы. – Слизнев улыбнулся и посмотрел на атташе. – Вы не против, если я попрошу вас налить коньяк, а сам порежу лимон?

– С удовольствием. – Курино кивнул и сосредоточился на процессе наполнения фужеров. Налил, удостоверился, что в бокалах одинаковое количество миллилитров, и протянул фужер Слизневу.

– Чтобы невзгоды больше не коснулись вас, мой дорогой Арсений Павлович... И все, что вы желаете и о чем мечтаете, посетило бы вас именно в этой жизни, а не в следующей.

Его лицо, как и блики свечей, расставленных по всей комнате, отражалось в темных стеклах буфета. Тонкие, чуть желтоватые пальцы согревали коньяк, покачивая его в фужере из богемского стекла, на стенках которого отражался удивительной красоты перстень с гравировкой родового герба клана Курино.

Речь была напыщенной, но она тронула Слизнева.

– Вы единственный человек, который поддержал меня в столь трудное время и пожелал выпить со мной за то, чтобы негодяй, оскорбивший меня, был наказан. Все остальные хотели лицезреть мое унижение, требуя от меня невозможного: чтобы я забрал заявление из полицейского участка. Только вы, мой друг, настояли на том, чтобы я шел до конца. И я победил, растерев его в порошок. Спасибо вам. Я понимаю вашу озабоченность и причину, по которой вы сегодня навестили меня, и, думаю, смогу вам помочь.

Слизнев сделал глоток и пошел к двери. Медленно повернул ключ, прислушиваясь к звукам за дверью, и выглянул в коридор.

В коридоре никого не было. Где-то внизу, в людской, кухарка громыхала ухватом, переставляя чугунки в печи. Слизнев закрыл дверь и вернулся к Курино.

– Береженого бог бережет. Так, кажется, говорят у русских.

– Старая поговорка, спасшая не одну голову от плахи. – Слизнев махнул рюмку одним залпом и поставил на стол. – Говорите, что вам надо, и я решу этот вопрос.

– Меня очень интересуют характеристики и численность Тихоокеанской эскадры, базирующейся в Порт-Артуре.

Слизнев выдвинул верхний ящик и достал тонкую серую папку, сшитую, пронумерованную и тиснутую сургучом.

– Здесь все шифрограммы от вице-адмирала Старка за последние три недели. Наверное, это то, что вы просили. – Слизнев протянул документ Курино.

На обложке стояло как минимум пять штампов и три печати, в том числе штампель военного министра, морского ведомства и генерального штаба. Поверх штампов шла приписка, сделанная от руки: «Из здания не выносить».

Курино открыл папку и «взлетел в небеса». Тут было все: от разрыва паропровода на крейсере «Цесаревич» до переброски в Порт-Артур трех шестидюймовых батарей из Забайкалья, план поставки радиостанции Попова на крейсер «Варяг» и оплаты пяти из тридцати заказанных дальномеров системы Цейс. Характеристики и толщина брони, скорость в узлах и дальность хода, орудийные калибры и типы торпед, количество и места дислокации.

Курино читал и ликовал. Сорок семь русских кораблей, больше похожих на старые дырявые корыта, чем на эскадру, против шестидесяти новейших японских крейсеров и миноносцев. Сталкивать их лбами было бы смешно и неуместно. Но так было надо. Япония рвалась к мировому господству, и ей стало тесно на родных островах.

Будучи воспитанным в самурайских традициях, он умел владеть собой, подчиняя волю и эмоции тем целям и задачам, которые стояли перед ним в тот или иной момент жизненной ситуации. В данном случае речь шла о нетерпении. Надо было показать этому медведю, что Япония готова платить большие деньги за покупку русских секретов, но при одном условии: это должны быть стоящие секреты.

Улыбка скользнула по лицу Курино, и он повернулся к Слизневу, помахивая бумажкой.

– Вы отдадите мне эту бумажку, господин Слизнев?

– На ней резолюция: «Хранить весьма секретно», – голос чуть дрогнул от испуга.

– Я думаю, мы договоримся. К тому же, завтра утром она будет у вас. Я пришлю ее с курьером.

Курино достал пачку американских долларов и, не пересчитывая, протянул Слизневу.

– Здесь три тысячи.

Статский советник кивнул и, сглотнув застрявший в горле ком, принял свой законный гонорар.

– Кстати! – Курино положил папку в портфель и защелкнул замок. – Я говорил с министром земледелия и торговли. У нас скоро появится возможность передать вам в долгосрочную концессию часть золотых приисков в Северной Маньчжурии.

От перехвативших эмоций и открывающихся перспектив единственное, что смог из себя выдать Слизнев, было: «Премного благодарен».

Курино поставил фужер и еще раз осмотрел кабинет. Уютно, ничего не скажешь. Особенно ему понравился книжный чуланчик, как выразился сам хозяин. Что-то наподобие бельэтажа, совмещенного с кабинетом и заставленного книжными шкафами.

– Хороший коньяк.

– Французский. Может, еще по одной?

– Как говорят англичане, во всем должна быть мера... Вы проводите меня?

– Разумеется.

* * *

Возвращаясь из прихожей, Слизнев заметил жену, сидящую в темной гостиной. Укутавшись в плед, она смотрела в окно на снежинки, кружащие и порхающие вокруг молодого, только что зародившегося месяца. Лицо ее было грустным и сосредоточенным.

Слизнев хотел пройти мимо, но потом передумал, посчитав это малодушием, и подошел к жене. Отвел руку, давая пламени свечи разгореться и осветить кресло и сидящую в нем Катю.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить?

– Об Алексее Муромцеве. – Она даже не повернула голову. Не потому, что игнорировала его присутствие. Нет. Прожив с ним пятнадцать лет, она знала ответ.

– Я не желаю об этом слышать!

Катя повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Арсений, я простила тебя, но и тебя прошу быть милосердным.

– Должен сообщить тебе, что я достаточно мягко подошел к делу. Так что считаю разговор на эту тему исчерпанным.

– Я умоляю тебя, Арсений...

– Довольно! – Слизнев дунул на свечу и в полной темноте стал подниматься на второй этаж. А где-то там внизу, накупившись, осталась сидеть его жена, его любимая Катюшка, милое и ласковое создание, в одно мгновение превратившееся в ненавистное существо, которое он не мог терпеть последние три месяца и с трудом переносил ее присутствие. Она отвечала ему тем же, не желая иметь с ним ничего общего.

Глава 5

Желтое море. Декабрь 1903 г

Мы стояли вместе с Истоминым под навесом во дворе армейской гауптвахты и курили. Меня уже переодели и побрили. Так что я не только визуально, но и собственной лысиной, с которой то и дело сползала бескозырка, чувствовал, что пришла осень. Шел мелкий противный дождь – один из тех осенних дождей, которые на несколько дней или даже недель погружали Петербург в дикое уныние и сырость, покрывая улицы нескончаемыми потоками мутной воды, несущей в залив ворох пожухлой листвы и конского навоза, вымываемого ручьями из булыжных мостовых.

Я в столице уже третий год, а так и не смог привыкнуть к его чахоточной сырости. Докурил сигарету и, швырнув в пузырящуюся возле ног лужу, посмотрел на Истомина и спросил про его выходку насчет нестерпимого желания покинуть флот и перейти в контрразведку.

– Ну что с рапортом, подписали?

– Подпишут, куда они денутся. – Истомин помолчал и достал еще одну сигарету. Вздыхнул и выдал из себя: – Я Катю сегодня видел.

У меня екнуло сердце.

– Где?

– Возле военно-окружного суда. Интересовалась твоей судьбой.

– Незавидной судьбой, – голос пропал, и мне стало жалко себя.

– Прекрати сопли пускать.

Истомин был моим лучшим другом и мог позволить себе разговаривать со мной в таком тоне. Одно училище и один сторожевик на двоих с прозаичным названием «Сивуч» сблизили нас настолько, что я готов был умереть за друга, а он, следовательно, за меня. И если он говорил, что она интересовалась моей судьбой, значит, так и было.

– Она придет? – Я посмотрел на него, пытаясь по губам предугадать ответ.

Истомин открыл рот и...

* * *

Рев сирены подбросил меня на койке, разрывая с таким трудом установившуюся связь между прошлым и настоящим. Ударившись головой о поручни, я спрыгнул на пол, чувствуя ногами вибрацию и бешеную качку, в которую вошел крейсер. Судя по силе, как нас кидало, штормило баллов на семь. А с учетом скорости, с которой «Варяг» разрезал залив, волнение на море можно было смело умножать на два.

Красная лампа над переборкой высвечивала возникшую толкотню и нехитрое убранство кубрика, раскрашивая все в дьявольские цвета катастрофы. Тот, кто придумал оповещать о возникших проблемах мерцающей лампой с красным абажуром, был, наверное, патологическим садистом.

Подъем был предсказуем, и большинство матросов лежали в одежде. Не по уставу, но, как говорится, зачем раздеваться, если через час опять одеваться? О том, что Руднев наметил ночные стрельбы, нам сообщил Михалыч. По прибытии на корабль его назначили кочегарным квартирмейстером, а штаб-горнистом на крейсере был его земляк – Николай Наглее. Вот он и сказал Михалычу, что в два пятнадцать поднимут всех по боевой тревоге и устроят кордебалет с променажем. А если выражаться точнее, то решили провести ночные

стрельбы и ходовые испытания непосредственно в открытом море при температуре минус семь градусов по Цельсию.

Я натянул бушлат и, рванув рукоять задвижки, открыл переборку, ведущую в тоннель нижнего палубного отсека. Пробежал метров тридцать, громыхнул еще одной дверью и через мастерские по лестнице слетел в машинный зал. Равномерный гул генераторов и запах машинного масла всегда действовали на меня успокаивающе. Это была моя стихия. Я перевел дух и осмотрелся.

По мере того как команда занимала свои места, крейсер оживал. По всему кораблю стали разноситься грохочущие и лязгающие звуки приводимых в движение различных рычагов и механизмов. Где-то над нами ухнуло орудие. В унисон выстрелу в правый борт ударила волна, заваливая нас на противоположную сторону.

Допустимый крен для крейсеров I класса – сорок пять градусов. Мы же легли градусов на пятнадцать-двадцать. Как говорится, в пределах нормы. Но все равно достаточно, чтобы улететь в угол, если под рукой не окажется опоры.

Частота стрельбы возрастала с каждой минутой. Вслед за кормовыми орудиями в перепалку вступили бортовые на шканцах, постепенно передавая эстафету от мелкокалиберных пушек к 152-миллиметровым носовым орудиям главного калибра.

По всему кораблю лихорадочно лязгали элеваторы, разнося снаряды. Лязг сопровождался криками команды и воем лебедек, тащивших из погребов свой смертоносный груз. На выходе из шахт подручные комендоров бойко подхватывали чушки, укладывали на тележки и с ними бежали к своим номерам, где заряжающие, откинув замок, уже ждали подачи. Секунда на доводку снаряда в ствол, щелчок замка и выстрел.

Выстрел, от которого дергается голова и закладывает уши, вызывая приступ нестерпимой головной боли. Выстрел, от которого пересыхает в горле, а дым разъедает глаза, перехватывая дыхание. Выстрел, от которого подпрыгивают разбросанные по палубе пустые орудийные ящики, и мелкая вибрация, пробегая по корпусу, перекидывается на фок-мачту, вводя ее в резонансное дребезжание.

* * *

Я сидел возле головной машины, прислушиваясь к стуку, идущему вдоль вала. Стук то появлялся, то пропадал, в зависимости от оборотов машины. На какой-то миг мне показалось, что я чувствую запах пережженного металла. Протянул руку и дотронулся до упорных подшипников, через которые проходили многотонные валы, вращающие винты, вспарывающие в данный момент воды Корейского залива.

Один кожух были холодным, а второй горячим – в нем грелся и стучал подшипник.

Мне стало не по себе. Если разорвет кассету, заклинит вал, и машина встанет. Примем к сведению, что это учения и до Чемульпо мы кое-как, тихой сапой, но доберемся. А если это случится в бою? Вывод я знал, и он был неутешителен. Дрейфующий крейсер – прекрасная мишень. И как этой ночью наша артиллерия разносит в щепки плавающие по морю щиты, так и нас разнесут вражеские крейсера.

Я завинтил крышку короба, поднял фонарь и пошел к дежурной стойке, где висел телефон. Рядом со стойкой стоял стол, за которым трюмный старшина Семенов писал отчет по вахте. Вахта только началась, но проблем уже хватало, не считая моих подшипников. Пять минут назад горел насос водозабора, из кочегарки Михалыч передал, что прогнулись трубки нижнего ряда у седьмого котла, а у пятого появилась течь – прямая угроза разрыва трубок.

«Варяг» имел уже печальный опыт, когда за три дня десять кочегаров были ошпарены и обварены. Дошло до того, что кочегары стали бояться подходить к котлам. Как следствие, в них стало падать давление, и крейсер частенько на ходовых испытаниях терял скорость.

Несмотря на то что почти весь декабрь «Варяг» простоял на якоре, ремонтируя котлы и машины, проблему так и не смогли устранить.

Мой вердикт, как ни странно, совпал с мнением Николаши Зорина. Котлы надо было менять полностью, да и подшипники тоже. «Металл – говно, – сказал как-то Зорин, показывая мне развалившийся на части вкладыш. – Прошлый раз еле выжали двадцать узлов, хотя заявлено по документации двадцать три. При этом средняя скорость получается четырнадцать. И скажи мне на милость, Алеха, как на такой посудине можно воевать?»

– Что там? – Семенов даже не оторвал голову от листа бумаги, на котором он с трудом выводил буквы, превращая их в слова.

– Головной подшипник на шатуне и упорный на валу. Оба греются.

– Может, маслом залить?

– Залить можно, но это не устраняет причину. Менять надо, – я взял чайник с водой, который стоял на трубе, подающей заборную воду к холодильнику, припал к носику и стал жадно пить. Температура в машинном отделении была за шестьдесят. Пот тек ручьями, и всю смену мы ходили голые по поясу. – Сам позвонишь Зорину, или мне его позвать?

– Леш, позвони, а? Я полчаса на вахте, а намотался – словно ишак на водовозе.

В его лице было столько жалости, что он мог бы и не сравнивать себя с несчастным животным. Я протянул руку и не успел снять телефон, как в машзал влетел Малахов с вытаращенными от ужаса глазами:

– Ховайтесь, братцы, санитары идут, – и, словно сурок, пригнув голову, кинулся в кочегарку.

Этого было достаточно, чтобы Семенов бросил свои писульки и исчез быстрее, чем я успел вырубить свет, погружая машинное отделение в темноту. В мастерской отдохавшие на матах электрики и машинисты нырнули в зал динамо-машин и задраили за собой люк. Аварийку я тоже отключил, выдернув аккумуляторы. Ибо нет ничего страшней, как во время учений попасть в лапы носильщиков-санитаров, обучающихся навыкам военно-полевой хирургии.

Я не стал прятаться, а просто сел возле машины. Лезть в темное, обесточенное помещение, наполненное гулом, ревом и жаром, было равносильно самоубийству. Я знал, что сюда они не сунутся: максимум осветят фонариками зал и, не найдя никого, удалятся восвояси. Люк открылся, и на верхней площадке показались санитары. Их было пятеро. Четверо матросов, определенных санитарями, и молоденький фельдшер из вольнонаемных. В руках они держали носилки и ремни, которыми должны были спеленать раненого. Прозвищ у них было предостаточно: изуверы, вурдалаки, упыри в белых халатах. Поверх халатов были прикручены повязки с алыми крестами, от этого санитары чем-то походили на рыцарей-госпитальеров, ворвавшихся в мирный город.

Я улыбнулся, глядя на их робкие движения. Темнота, гул машин, мерцание лампочек и подрагивающий пол. Для тех, кто ни разу не спускался ниже средней палубы, машинное и котельное отделения были чем-то таинственным. Некая мистическая территория, наполненная скрежетом металла, воем валов и свистом стравливаемого пара. Что касается котельного отделения, там было еще страшней. Что-то сродни преисподней. К рассыпающимся искрам и огнедышащим печам порой присоединялись истошные вопли ошпаренных кочегаров.

На мое плечо легла чья-то рука.

Я вздрогнул, и волосы чуть шевельнулись от ужаса за свою персону. Мать моя родная! Это что, засада? Я что, попался?..

Попасть на носилки во время учений означало подвергнуться массовому позору и посмешищу. Тебя, забинтованного и прикрученного к носилкам, выносят на палубу и там под барабанный бой объявляют раненым, а потом начинается импровизированная операция. Доктор мажет тебя зеленкой и объявляет вердикт: «Осколочное ранение левой конечности».

сти», – после чего протягивает фельдшеру самую настоящую лучковую пилу. Я сам видел, как молодой матрос потерял сознание после такой тирады, так и не поняв, что это шутка.

Было желание сбросить руку и кинуться прочь, спасая себя от позора и многочасового томления в лазарете. Я медленно повернул голову и перевел дыхание. Рядом со мной стоял Михалыч.

– Паропровод порвало, – голос его был ровным, но губы дрожали, выдавая волнение. Руки и лицо были покрыты вздувшимися пузырями.

Я все понял и буквально прыгнул к рубильнику.

– Какой котел?

– Пятый... Там людей пошпарило, – прохрипел он и стал оседать на пол.

Я дернул ручку, заливая машзал светом, и тут же врубил сирену. Санитары, оказавшись в световом пятне, опешили, не зная, что делать и кого хватать. Пока они топтались на месте, я глянул на приборы и ахнул: все стрелки были в красном секторе. Машинально крутанул вентиль влево, до упора, гася давление на кулисе, и нажал кнопку резервного сброса пара с пятого котла. Вой сирены выгнал всех машинистов из шхер, куда они попрятались, опасаясь санитаров.

– Санитары, в котельную! Живо! Там раненые, – что есть мочи заорал я, стараясь перекричать гул машин. Дернул рычаг, открывая водяную защиту, и кинулся в котельную, увлекая за собой машинистов.

– Муромцев, стойте! – Это кричал Зорин, машинный инженер-механик и мой непосредственный начальник. Перепрыгнув через перила, он буквально слетел в машзал и кинулся ко мне, шлепая по лужам. – Крейсер потерял семь узлов хода. В чем причина? – Его буквально трясло.

Потерять семь узлов на учениях – это много, потерять семь узлов в бою – это катастрофа. И Зорин был прав. Но прав он был только в одном: мы потеряли семь узлов. В остальном все было не так уж и плохо. Да, я сбил ход крейсера, сбросив обороты, но я спас главную машину.

– Порвало паропровод. И я принудительно сбросил обороты.

– Говори точней, что стряслось.

– От скачка давления возникли колебания и угроза срыва кулисы. Ты сам знаешь: если механизм вращения полетит, вообще встанем.

Он знал. Плюнул в сердцах и выругался:

– Ебаные янки.

Это он про Крампа и его фирму, что строила крейсер.

– Десять минут на ремонт – и всей команде водка за мой счет.

Поправил фуражку и пошел к лестнице, пропустив вперед санитаров, которые уже несли в лазарет не мнимых, а настоящих раненых. Русских парней с ожогами первой и второй степени, пострадавших из-за просчетов американских проектировщиков и сборщиков.

Так было всегда. Россия всегда платила за чужие ошибки жизнями своих сыновей.

* * *

Через час, стоя на палубе, я с удовольствием затягивался сигаретой, наслаждаясь рассветом и рассматривая ледяные наросты по всему левому борту. С капитанского мостика спустился Руднев и в окружении офицеров не спеша подошел ко мне.

– Как ходовая машина?

– На пятом разогревают пары, господин капитан первого ранга. – Я по привычке кинул руку к козырьку, хотя был без головного убора.

Руднев не обратил на это внимания. Посмотрел на часы и одобрительно хмыкнул:

– Зорин сказал, что почините за час. А вы справились за двадцать минут. Молодцы. Молодец был Зорин, что взял фору во времени и перестраховался. Хотя и мы не уда-
рили в грязь лицом.

– Что с рукой?

– Ошпарил чуток.

– В лазарет немедленно.

– Есть в лазарет.

Идти к эскулапам не хотелось, но Рудневу я не мог отказать и с кислым выражением лица направился к люку, ведущему в жилой блок, где располагались лазарет и операционная. Шел и спиной чувствовал его взгляд. Возле трапа обернулся в надежде, что Руднев ушел.

Увы! Он стоял и смотрел на меня.

Я переступил через комингс и стал спускаться вниз. Только после этого Руднев махнул рукой и пошел к носовым орудиям, увлекая за собой офицеров.

* * *

Днем 16 декабря «Варяг» уже шел по фарватеру среди островов архипелага. Когда пробили две склянки, прошли мимо остров Иодольми, и перед теми, кто нес вахту на верхней палубе, во всей красе открылся Чемульпинский рейд. Десятки кораблей покачивались на небольшой волне, то натягивая, то отпуская якорные цепи.

Чемульпо еще в 1873 году была маленькой рыбацкой деревушкой, а уже через пять лет на ее месте вырос международный порт с торговлей, превосходящий крупнейший корейский порт Фузан. Открытый для торговли, порт был приписан к провинции Киен-кие-до уезда Чемульпо.

Острова Гецуби-то и Копегуби-то делили гавань на внешний и внутренний рейды. На внешний вели три фарватера, каждый из которых изобиловал мелями и камнями. Как указано было в лоциях, составленных русскими кораблями, «ввиду сильного течения плавание по шхерам должно совершаться с полной осторожностью». Западный фарватер пролегал между островами Току-чаку-то и группой островов Уайт Хелл. Фарватер был пригоден только для судов с малой осадкой. Крейсерам и броненосцам приходилось ходить по двум другим фарватерам, а именно по Флинг Фиш и по Восточному. Причем во время туманов, которые здесь не редкость, лоцманы отдавали предпочтение именно Восточному фарватеру, глубина которого больше подходила для постановки на якорь.

Глава 6

Петербург. Сентябрь 1903 г

– Это здесь, – кучер показал на трехэтажное здание с желтыми колоннами и высоким цокольным этажом, в котором все окна были прикрыты коваными решетками. – В аккурат к парадному подъезду вас подвез, Екатерина Андреевна, как и обещал.

– Спасибо, Захар.

Рука в перчатке протянула целковый, и Захар принял оплату с присущей ему благодарностью на лице. Спрыгнул на землю, кинул кнутовище на сиденье и, обойдя пролетку, открыл дверь, помогая барышне сойти.

Ей было тридцать пять. Высокая, стройная, с темно-каштановыми волосами. Она не шла, она плыла. Как сказал бы Фет: «Милое очарование, способное свести с ума». Сие милое очарование было одето в темный непромокаемый плащ с перламутровыми пуговицами, широким поясом и стоячим воротничком. Из-под плаща виднелся край плиссированной юбки в крупную клетку. На барышне были краповые сапожки, точно такие же перчатки и такой же шарфик. Ее прелестную головку венчала фетровая таблетка с приспущенной на два пальца вуалью. И все в тон и со вкусом. Зонт она не взяла, оставив в пролетке.

Барышня пару минут смотрела на здание, как бы собираясь с силами. Наконец решилась и пошла, цокая шпильками, к парадной двери.

Это была Катя Румянцева.

Та самая, что сбросила Алешку Муромцева в реку и угнала у него лодку. Та самая, что просила мужа Арсения Слизнева быть снисходительным. Та самая, которая за один день переосмыслила всю свою жизнь, столкнувшись с подлостью, ненавистью и предательством. Та самая, которая наконец-то поняла, что такое любовь и что такое расставание навсегда.

Катя открыла тяжелую, массивную дверь, прошла через пустынный вестибюль, расплывая в воздухе перестук каблучков и запах французской лаванды, поднялась по мраморным ступенькам и уперлась в ограждение. За ограждением сидел офицер в мундире жандарма и с погонами ротмистра.

В холле было тихо, и гулкие шаги отвлекли ротмистра от чтения бульварной прозы и заставили его встать перед дамой. Он отложил книгу и, поправив воротник кителя, вышел ей навстречу.

– Прошу прощения, мадам. Вы к кому?

– Я на заседание по делу лейтенанта Муромцева.

– Мне очень жаль, но заседание закончено. – Офицер был сама учтивость – вежливый, обходительный, с тихим баритоном, способным вогнать слабохарактерного человека в гипнотический сон.

– Как закончено?

– Все разошлись полчаса назад, – журчал он, источая фонтан любезности. – Приходите в понедельник. На выходных здание закрыто и приема нет.

– Скажите, могу я поинтересоваться решением суда?

– Я бы посоветовал вам обратиться в канцелярию.

– Пожалуйста! Это для меня очень важно.

Чувствуя, что барышня не собирается уходить, ротмистр попытался для приличия, убрал книгу и стал рыться в бумагах, которыми был завален его стол. Взял со стола лист, на котором было всего две строчки машинописного текста.

– Лейтенант Муромцев Алексей Константинович? – спросил ротмистр, как бы требуя подтверждения.

– Да! – жалкое подобие улыбки появилось на ее лице, и она моргнула.

– Разжалован в рядовые с лишением чинов и наград. Больше я ничем не могу вам помочь, мадам. Еще раз извините. – Ротмистр отдал честь и потерял к даме всякий интерес. Тем не менее он продолжал стоять рядом с ней, опекая до тех пор, пока она находится в зоне его ответственности.

Краски поблекли, утрачивая яркость. Стало нестерпимо жарко и захотелось пить. Катя распахнула ворот, стащила шарф и пошла к выходу. В висках стучало. Она видела краем глаза, как в холл вошел офицер и стал чуть в стороне, наблюдая за ней.

Он ее не интересовал. Ее уже ничто не интересовало.

В голове загудело, и пол стал уходить из-под ног. Все завертелось, и кто-то закричал, требуя воды.

У нее было ощущение, что ее, словно муху, прихлопнули гигантской мухобойкой, размазав посреди уходящего за горизонт холла, увешанного портретами судей, прокуроров и членов императорской семьи. Они хохотали над ней, кривляясь в своих позолоченных рамах, высовывая язык и показывая на нее пальцем.

– Смотрите, смотрите, – на все голоса верещали они, – она интересуется судьбой отщепенца Муромцева.

– Это который? – басил судья, теребя напомаженные локоны парика.

– Да тот, который сегодня, согласно высочайшему повелению, был разжалован в рядовые, исключен из гвардии и отправлен к черту на кулички.

– Ха-ха-ха... – смеялись прокуроры.

– Куда, куда отправили? – кокетничали злобные носатые дамы с плюмажами на голове, отчего напоминали цирковых крыс.

– Туда, мадам, – веселился шеф жандармов и тыкал пальцем в топографическую карту, на которой посреди гор и лесов было написано слово «тартарары». – В тартарары!

* * *

Очнулась она в пролетке. Рядом с ней стоял мужчина лет сорока в шинели морского офицера и держал ее за руку.

Катя тряхнула головой, сбрасывая пелену с глаз. Аккуратно вытащила свою ладонь из его руки и помассировала виски.

– Вот! Потрите в середине лба и над бровями. Это помогает, – мужчина протянул ей перламутровую коробочку, сделанную в виде маленького пивного бочонка.

– Что это?

– Китайский бальзам. Там женьшень, чабрец, мята и еще какая-то дрянь. Лучше средства от мигреней я не встречал.

Катя смотрела на него все еще затуманенным взором, не понимая, кто он такой и где она находится. Затем сняла перчатку и, отвинтив темно-зеленую крышечку с изображением дракона, макнула палец в желтоватый крем, источающий аромат трав и бальзамов. Коснулась лба. Появилось легкое жжение, и мир стал обретать реальные черты.

– Спасибо. Он действительно хорош.

– Оставьте себе.

– А ваша мигрень?

– Моя мигрень не лечится. Как сказал один знакомый доктор: «Лучшее средство от головной боли – это гильотина».

Катя спрятала коробочку с драконами в ридикюль и улыбнулась, стараясь вспомнить, где она видела этого человека. Эти жесты, этот юмор...

Где же она его видела?.. Стоп! Это он вошел в здание суда, когда она пыталась узнать о судьбе Алексея. Катя решила зайти издали, стараясь узнать, кто он и что тут делает.

– Кажется, я потеряла сознание.

– Хуже того. Вы пытались упасть на пол. И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы я вас не поймал.

– Я искренне благодарна вам. Только не знаю вашего имени.

Мужчина молчал, и Катя тронула за плечо кучера, который все это время тихо сидел на козлах, ожидая, когда госпожа наговорится и можно будет щелкнуть кнутом и крикнуть: «Пошла, родимая!»

– Трогай.

– Пошла, родимая! – Захар дернул вожжи, и пролетка затарахтела по мостовой.

– Моя фамилия Истомин, – крикнул он ей вслед. – Мы встречались с вами в цветочном магазине.

Было ощущение, что из нее разом откачали воздух.

– Стой! – крикнула Катя, и Захар резко натянул поводья, поднимая лошадь на дыбы.

Катя зачем-то сняла перчатки: зачем она это сделала, она и сама не знала. Но Истомину показалось, что она собирается дать ему пощечину.

– Спрошу прямо. Вы следили за мной?

– Отвечу не таясь. – Истомин улыбнулся. – Да, я следил за вами. Но не по своей воле...

* * *

Пролетка свернула с Литейного и не спеша катилась по Невскому проспекту. Подняв полог и спрятавшись от посторонних глаз, в пролетке сидели Катя и Истомин. Разговор крутился вокруг ее визита в здание военно-окружного суда и неслучайного появления Истомина в том же здании и в то же время.

– Позвольте узнать, зачем вы приходили?

– Я интересовалась его судьбой.

– Вы интересовались судьбой Муромцева?

– Да!

– Зачем? Все же в прошлом. Встретились и разошлись.

– Это все не так! – Она взмахнула руками, будто стряхивая с них налипшее непонимание, которое ее окружало два последних месяца. – Все почему-то винят меня. Я сама виню себя, но не понимаю почему. Да, я жалею, что все так вышло. Сплошное недоразумение. Встретились, сцена глупой ревности, драка и суд. Суд, лишивший меня покоя. Если бы не та встреча на Невском, все было бы так, как было до этого. Я жена действительного статского советника, а он гвардейский офицер, и у каждого своя жизнь. – Катя повернулась к Истомину и посмотрела в его лицо. – Зачем, зачем он поехал за мной? Скажите мне, Николай, вы же его друг, вы знаете его лучше меня...

Истомин не был политиком. Он был офицером. И со свойственной только этому сословию прямоотой спросил ее о том, чего она больше всего хочет.

– Вы бы хотели вернуться в прошлое?

Вопрос был с подтекстом. Но Катя не стала юлить и уходить от ответа. Она лишь помолчала немного, собираясь с мыслями. Как сказать, чтобы он понял, что тот злополучный день – самый счастливый день в ее жизни? И что это не один день в череде множества дней, называемых «жизнь», этот день – вся ее жизнь?

– Нет. Я не хочу возврата... И сделаю все, чтобы не возвращаться в прошлое. Мне иногда кажется, что наши жизни переплелись каким-то образом. Что-то изменилось. Я это чувствую. Сейчас, не озираясь ни на кого и не боясь предрассудков, я могла бы запросто подойти к нему, взять его за руки и поцеловать. Как двадцать лет назад, когда мы сидели на чердаке, зарывшись в солому, и, держась за руки, загадывали желания.

– Что вы тогда загадали?

– Быть вместе.

– Значит, будете.

– Я хотела спросить у вас, Николай. Вы действительно следили за мной?

– Конечно же, нет. Это была уловка, чтобы иметь возможность поговорить с вами.

– Тогда что же вы там делали? Если это не военная тайна.

– Да нет никакой тайны. Я приходил забрать его прошение о повторном рассмотрении дела и назначении суда присяжных.

– Он решил не подавать на апелляцию? Но почему? – Она так разволновалась, что на щеках появился румянец.

– Я тоже его спросил об этом. На что он сказал: «А зачем? Мне дали шанс все исправить в этой жизни, и я должен им воспользоваться».

– Что вы такое говорите? Что исправить, какой шанс? Я просто не понимаю, о чем идет речь.

– Знаете, Екатерина Андреевна, порой мне кажется, что нам всем посылают испытания и при этом говорят: «Вот тебе конец веревки, не отпускай ее, и ты переплывешь реку». А мы говорим: вот ерунда какая, зачем мне эта веревка, если я умею плавать, она только мешает плыть... И мы бросаем ее и плывем, даже не подозревая, что второй конец той самой веревки, которую мы бросили, держал сам Господь.

– Это притча из Евангелия?

– Нет. Эту притчу мне рассказал Муромцев перед отправкой в Порт-Артур. И добавил: «Я не брошу свою веревку, даже если ее сплетут из терновых веток». И при этом он говорил только о вас. Вы для него надежда.

Они замолчали, думая каждый о своем.

Пролетка миновала памятник Екатерине, накрытый реставрационными лесами, протархтела мимо здания Генштаба и, свернув на Малую Морскую, подъехала к Исаакиевскому собору. Купол на миг блеснул, переливаясь в солнечных лучах, потом он как-то потемнел и погас, слившись с серым небом. Солнце исчезло, и по крыше пролетки забарабанил дождь.

Захар поднял воротник и посильнее надвинул на уши картуз. Цыкнул на лошадей, которые не хотели мокнуть и решили остановиться под раскидистым деревом. Придержал поводья, стравливая левую вожжу, и повернул на набережную. Улица шла чуть под наклон и выводила к причалам, от которых ходили в Кронштадт кораблики, стуча по воде своими деревянными колесами.

Возле вокзала Захар натянул поводья, останавливая пролетку. Истомин кинул руку к козырьку.

– Я прощаюсь с вами, Екатерина Андреевна, и надеюсь, не навсегда.

– Я тоже надеюсь. – Катя вздохнула, и в уголках глаз блеснули слезы. – Спасибо вам, Николай, за все.

Истомин щелкнул ручкой, открыл дверцу и спрыгнул на мостовую. Прикрыв дверь, он повернулся и посмотрел на Катю. Ее лицо, ее черты! Это был ангел, случайно встретившийся на его пути. Он был не в состоянии отвести глаза и тем более уйти. Но он должен был это сделать. По одной причине. Там, на Малой Итальянской, она приходила не к нему.

– Завтра их отправляют в Порт-Артур с седьмого причала. Это в Кронштадте. Пароход «Аргунь» отходит в девять. Запомните: «Аргунь»!

– Я обязательно приду.

* * *

Злой рок, предательское стечение обстоятельств. Называйте это как хотите. Но Катя опоздала из-за того, что на ее пролетку налетели дровни.

Она не расстроилась, она уже приняла решение и знала, что делать. Вернувшись домой, не раздеваясь и не снимая плащ, прошла в кабинет к мужу. То, что она не разделась, а лишь расстегнула пуговицы, то, что не сняла фетровую таблетку с приспущенной на два пальца вуалью и не положила, как всегда, перчатки на этажерку, говорило о некой решимости, которая вдруг охватила все ее дремлющее до этого состояние.

Слизнев сидел за столом и просматривал бумаги, присланные из министерства иностранных дел. В письмах и циркулярах речь шла о ситуации на реке Ялу. За два месяца неизвестные сожгли шесть лесопилок, поставив тем самым под угрозу планы по лесозаготовке и экспорту пиломатериалов в Японию, Китай и на Филиппины. Как писал инспектор Яковлев, возможно, это происки японцев, которые в последнее время довольно бесцеремонно ведут себя по отношению к российскому имуществу, находящемуся на территории Кореи и Китая.

Порыв ветра колыхнул пламя свечей, отбросив на стену тень от возникшей в проеме двери Кати. Перекинув из руки в руку перчатки, он щелкнула ими по ладони и шагнула в глубь кабинета, оставляя на ковре мокрые пятна следов.

– Арсений, мне нужны деньги.

– Зачем? – Слизнев поднял голову, с изумлением разглядывая свою жену. Что-то изменилось в жестах, во взгляде, а что – он не мог понять.

– Мне очень надо.

– На такой ответ категорично заявляю: денег не дам, пока не скажешь, для чего они тебе понадобились.

– Я хочу съездить к сестре. – Ей стало душно, и она рванула шарфик, освобождая шею от удавки.

– Делать там нечего.

– Но...

– Никаких «но»... И вообще я занят... И не желаю тратить время на пустые разговоры по поводу твоих прихотей.

– Это не прихоть, как ты мог бы заметить.

– А я говорю – прихоть. Видите ли, она желает поехать. Достаточно того, что я терплю твое увлечение медициной, – рука почему-то предательски задрожала, и он взял со стола бокал, в котором мерцал налитый коньяк. Сделал глоток и поставил его на стол, чувствуя прилив уверенности. – Считаю, что моего генеральского содержания вполне хватает, чтобы ты сидела дома, а не шастала по госпиталям. Еще не хватало заразу в дом принести.

Катя не стала ему отвечать, развернулась и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь.

* * *

Ужинали в гостиной в полной тишине. Стол как бы был поделен на две части. На одной стояли фрукты и вино, на другой – все остальное, включая горячее, салаты и водку. Слизнев поправил салфетку на груди и, плеснув себе в штофчик водки, посмотрел на Катю.

– Мы так и будем молчать? – сказал он и влил содержимое стаканчика в себя.

– А о чем ты хочешь поговорить?

– Хотя бы о моих проблемах. Из-за твоего дурацкого имени я попал в весьма неприятную историю.

Катя отложила салфетку, которую мяла в руках.

– Имение нужно было тебе, а не мне. Тебя всегда тешила мысль, что ты теперь настоящий барин, а не выскочка.

– Не говори так со мной.

– И ты будь любезен изменить тон.

– Как считаю нужным, так и буду говорить.

– Знаешь, Арсений, чем мне нравится твой новый друг – господин Курино?

Слизнев весь напрягся и подался ей навстречу. Курино был его тайной, которую он тщательно оберегал. То, что она упомянула имя японского атташе, очень не понравилось Арсению и в какой-то степени даже насторожило. Мало ли, что у нее на уме. Донесет в жандармерию – и доказывай потом, что ты не верблюд. Зубы непроизвольно скрипнули, и он со злостью выдавил из себя:

– Чем?

– Он умеет находить нужные слова. Однажды он сказал: «Когда стрела не попадает в цель, стреляющий должен винить себя, а не другого».

– Пошла вон отсюда.

– Ты этого хочешь?

Это было пределом его терпения, и он сорвался на крик:

– Да!!!

Катя молча встала и вышла из гостиной. Без нее все вокруг как-то враз поблекло и осиротело. Комната стала терять цвет, краски размылись. Серость и уныние, словно паутиной, опутали Слизнева и стол, за которым он восседал.

Арсений Павлович отложил вилку и, сорвав салфетку с груди, швырнул ее на стол. Посидел минут пять и с ревом поддал стол. Столешница взлетела вверх, осыпая пол битой посудой и разбросанной по гостиной едой.

– Зина!

На его крик с первого этажа прибежала перепуганная Зинаида Каплан – новенькая горничная, принятая им пару недель назад.

– Слушаю вас, Арсений Павлович.

– Убери здесь все. Я поужинаю в ресторане.

Зинаида тут же склонилась к полу и стала собирать в ведро из-под шампанского битое стекло. Слизнев не мог оторвать взора от ее ягодиц, ямки которых проступали через обтягивающее платье.

– И оденься, как положено барышне. Поедешь со мной.

* * *

В конце декабря Екатерина Андреевна Слизнева, постучав ногами по торчащему из земли скребку, сбила с ботиков снег и, толкнув стеклянную дверь, вошла в ломбардную лавку братьев Рабиновичей.

В помещении было тепло, пахло старьем, машинным маслом и мышами. Катя подошла к стойке и положила муфту и сумочку на столешницу.

– Добрый день!

– Здравствуйте, милая барышня.

У окна сидел старый еврей, который, повесив очки на нос, читал «Закон Моисея». В тот самый момент, когда она зашла в лавку, он опустил в стакан с водой палец, собираясь через пару секунд перевернуть страницу.

– Одну долю секунды я отниму у вас. Только вложу закладку, чтобы не забыть, где старый еврей покинул Моисея, – он сунул соломинку между страниц, закрыл фолиант и, отложив книгу, подошел к стойке.

Катя протянула кольцо.

– О боже! – Из его чахлой груди вырвались и стон, и восторг одновременно. – Я не встречал такой красоты с тех пор, как покинул Одессу. Только там я видел камень весом в пятьдесят восемь карат, но его чистота внушала мне сомнения.

Он вынул из ящика лупу и долго рассматривал бриллиант, наслаждаясь игрой света на его идеально отшлифованных гранях. Наконец он положил кольцо на стол и прикрыл его замшевой салфеткой.

– Я приношу свои извинения, милая барышня. Вы не помните старого Мойшу, но я помню вас. Ваш муж владеет доходным домом возле лесной биржи. И когда у нашей семьи кончились деньги, он выгнал нас, а был февраль. Почти как сейчас, но на два месяца позже. И вы же, Екатерина Андреевна, позволили нам перебраться во флигель. Там было тесно, но там была печка. И все выжили, слава богу, и никто не замерз. Мойша не хапуга, и он хочет знать, зачем вы продаете семейную реликвию. Если у вас кончились деньги, я дам вам займы, и вы отдадите, когда сможете сделать это.

– Я должна уехать в Порт-Артур.

– Умоляю вас, зачем ехать на край света, чтобы увидеть море? Поезжайте лучше в Крым.

– Я врач, а там не хватает докторов.

– У меня старший сын врач. Лично у меня не хватило бы духу отправиться так далеко, – старый еврей повернул ключик в замке и открыл кассу. – Я дам вам хорошую цену. Такую цену, что у вас еще останутся деньги, чтобы обустроить свой быт и выпить за здоровье старого Мойши.

Рабинович сунул палец в стакан и стал отсчитывать купюры...

Получив деньги, Катя вышла из ломбарда и, поманив рукой ямщика, села в расписные сани. Бородатый мужик, больше похожий на разбойника, лихо гикнул, и через полчаса она уже стояла в теплом просторном зале Николаевского вокзала, покупая билет на Транссибирский экспресс, уходящий через два часа с первого пути.

В ожидании, когда объявят посадку, она прошла в зал, поставила чемоданчик на пол и села в плетеное кресло.

Дома, на столе в гостиной, она оставила письмо для мужа.

«Арсений Павлович, хочу сообщить вам, что наши отношения в последнее время приняли весьма неприятную форму общения, которую я ни в коей мере не приемлю. Я не собираюсь жить с человеком, не только не любящим меня, но и ведущим себя самым вызывающим образом. И я не желаю, чтобы со мной обращались, словно со скотиной. А посему хочу сообщить, что ваши придирки и оскорбления довели меня до желания покончить жизнь самоубийством. Но, учитывая, что сия мера есть величайший грех, я нахожу в себе силы сообщить вам, что уезжаю. Не ищите меня. Прошу дать мне развод, и давайте покончим с нашим прошлым.

Катерина».

Письмо, полное боли и страданий, вымученное бессонными ночами и залитое слезами. Слезам женщины, которая считала, что все эти годы была счастлива в браке, что она любит своего мужа, а муж любит ее. Время показало, что все это было иллюзией. Не было любви, не было счастья.

Она не знала, где искать Алексея, как его искать и вообще точно ли он в Порт-Артуре или еще где-то. Она не знала, как будет жить, где будет жить, но она твердо решила: домой на Васильевский остров она уже никогда не вернется.

Глава 7

Чемульпо. Декабрь 1903 г

Лишившись офицерских погон и переведенный в разряд рядовых, я был сродни Полежаеву, которого Николай I разжаловал и сослал на Кавказ. Вся разница заключалась в том, что номинально он был рядовым, а по факту дворянином Российской империи со всеми вытекающими последствиями. Спал он с солдатами у костра, ел с ними похлебку и с ними ходил в атаку, а вот стихи свои он читал офицерам и рафинированным барышням, рискнувшим приехать на минеральные воды.

Сидя в кают-компании и потягивая портвейн, я с удовольствием слушал новости, приходящие из Петербурга и из Токио. Новости из Токио были одни и те же: Япония готовится к войне. Новости из Петербурга с большой натяжкой можно было назвать новостями. Скорее это были вести, приходящие с большим опозданием. И вести были неутешительные...

Несмотря на шквал шифрограмм, которыми барон Розен – наш посол в Токио – и военно-морской атташе капитан первого ранга Русин завалили военное ведомство, реакция со стороны императора была нулевой. Причина могла быть только одна: кто-то убедил нашего монарха, что Япония не посмеет объявить нам войну. И этим «кто-то» был господин Безобразов, одна фамилия которого должна была насторожить всю империю. Что такого могли сделать его предки, чтобы заслужить такое прозвище, которое со временем стало фамилией?

Являясь сторонником активного вмешательства в чужие дела, Безобразов с присущими ему тупостью и упорством продолжал лезть в Китай и Корею, не обращая внимания на то, что и Китай, и Корея еще десять лет назад попали в сферу интересов молодого азиатского тигра, претендующего на роль мировой державы. И в Токио прекрасно понимали, что флажок лидера они смогут получить только после победы над Россией.

В Петербурге же все было наоборот. Ни Безобразов, ни его окружение, включая военного министра Алексева и министра внутренних дел Плеве, не понимали, что «мирного решения» дальневосточной проблемы не будет. И, как следствие, вводили в заблуждение императора и его прекрасную половину, имевшую пристрастие вмешиваться в государственные дела.

Помню, на Пасху приехал я в Муромцево. Я только что покинул Порт-Артур, получив назначение на императорскую яхту «Штандарт», которая в это время года стояла в Ревеле и куда я после праздника обязан был прибыть для прохождения дальнейшей службы. После ужина мы сидели с отцом в его кабинете – пили чай и говорили о политике и об императоре.

– Этот Безобразов тот еще пройдоха. – Отец встал и пошел к книжному шкафу. Долго рылся, скрипя дверными петлями и стуча ящиками. Наконец сдул пыль с какого-то манускрипта и пошел ко мне, шаркая домашними туфлями.

В руках у него была подшивка «Нивы» за 1900 год. Он сел возле меня, поправил очки и, положив на колени журналы, стал методично перебирать их, старясь по картинкам на обложке вспомнить, где была напечатана интересовавшая его статья. Как всегда, нужный журнал с нужной ему статьей был в конце стопки.

– Вот, смотри, что писали, – он послунывил палец и перевернул страницу.

На фотографии, венчающей статью, были изображены горы, покрытые тайгой, тут же находилась карта юго-восточной части Кореи, а на другой странице друг под другом шли три фотографии: императора Николая II, наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексева и невзрачного мужчины с погонами полковника.

– «Владивостокский купец Бриннер, имея от корейского правительства концессию на эксплуатацию лесов, в 1896 году организовал «Корейскую лесную компанию». Не сумев

наладить полноценную работу предприятия, Бриннер влез в долги и продал дело отставному полковнику А. М. Безобразову». Вот скажи мне, Алеха, – отец отложил подшивку и посмотрел на меня, – ты веришь, что купец 1-й гильдии Бриннер, чья фирма контролирует все стивидорные работы во владивостокском порту, человек, который владеет доходными домами и пароходной компанией, не сумел наладить работу какой-то там пилорамы? А? Которая и должна-то была всего лишь пилить лес и возить его в порт, в Чемульпо. Лично я не верю.

– Я тоже, только я не пойму к чему ты клонишь. – Я пересел поближе к камину, наслаждаясь его теплом.

– А вот послушай и поймешь. – Отец порылся среди разбросанных по столу газет, нашел «Правительственный Вестник» и стал читать: – «Вчера состоялись выборы председателя правления и членов попечительского совета «Русского лесоэкспортного товарищества». Председателем правления единогласно выбран А. М. Безобразов. Напомним читателю, что «Русское лесоэкспортное товарищество» является правопреемником «Корейской лесной компании», ранее учрежденной купцом первой гильдии Бриннером и имеющей в своих активах концессию на разработку леса по реке Ялу сроком на сорок пять лет».

– Ты хочешь сказать, что этот полковник утер нос миллионщику Бриннеру?

– Ты близок к истине, но не совсем, – отец хмыкнул и покровительственно посмотрел на меня, представляя, наверное, себя неким божеством, которому известна великая тайна человечества. – Безобразов – это уже не отставной полковник. Он статс-советник, член особого комитета по делам Дальнего Востока. Доверенное лицо нашего монарха и близкий друг контр-адмирала Абаза, являющегося как раз председателем этого комитета. Человек, сваливший министра финансов Витте. Вот что такое Безобразов сегодня.

– К великому несчастью для России, такие люди всегда были, есть и будут.

– Меня утешает одно: как бы они ни старались, у них ничего не выйдет. Эти люди умеют искать пути наверх, умеют приспособливаться и подбираться к кормушке на максимально близкое расстояние. Да, он сумел опутать своей паутиной не только императора, но и его ближайшее окружение, включая великого князя Алексея Александровича, являющегося начальником нашего с тобой Морского ведомства. Но жизнь – это не кулек пряников, и за один присест его не умять. Есть расхожая фраза насчет того, что история все расставит по своим местам. Мне она не нравится. Историю пишут люди. Мне больше по душе слова, сказанные евангелистом Петром: «Всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава – и цвет ее опал». Вот так-то...

* * *

Я очнулся от воспоминаний и посмотрел на стоявшего передо мной офицера. Это был мичман Нирод, молодой двадцатидвухлетний граф, в котором текла кровь нормандских викингов, датских пиратов и немецких крестоносцев. И при всем этом он был стопроцентным русофилом, готовым по приказу и без приказа умереть за Россию и за православие.

Стоя передо мной, он сильно жестикулировал, размахивая руками, и, по всей видимости, находился в середине своего пафосного, но в то же время не лишённого здравого смысла монолога.

– Очень скоро японцы поймут, что их интересы ущемляют, и тогда тигр укусит медведя. Чем все это кончится, я не знаю, но то, что будет грызня, и вполне серьезная, я знаю точно.

– Скажите, мичман, вы что, всерьез думаете, что Япония осмелится напасть на Россию? – К нему подошел Миша Банщиков, наш младший врач, и протянул бокал с портвейном.

Нирод взял бокал и, подняв, стал рассматривать его на свет, наслаждаясь темно-рубиновым блеском.

– Никто не верил, что Япония начнет войну с Китаем в 1894 году... А она ее начала.

– Ну вы и сравнили. Китай и Россия! Ведь так, господа? – Банщиков обернулся к офицерам, как бы ища поддержку.

– Однозначно, – положив кий на плечо, от бильярдного стола к нам подошел лейтенант Николай Зорин, инженер-механик и мой непосредственный начальник. – Не хотите ли партеечку, доктор? Причем сделаем так: вы Япония, а я Россия, а кто проиграет – с того ящик шампанского.

– Вот вы, Муромцев. – Нирод проводил взглядом удаляющуюся пару и повернулся ко мне, – как человек новой формации, так сказать, переосмысливающий жизнь заново после всего того, что с вами произошло. Что вы думаете по всему спектру обнаженной нами темы?

Я серьезно посмотрел на него, прикидывая, как с ним поступить. Здесь дать в морду за новую формацию или заманить в трюм и там отдубасить?

Нирод понял, что сморозил глупость, и протянул мне бокал.

– Мир?

– Принято. – Я забрал бокал и сделал глоток. Вино было терпким и с большим количеством сахара.

– И как оно вам?

Я знал, что у Нирода виноградники в Крыму, и где-то в душе немного завидовал ему, вспоминая свое имение, большую часть года залитое дождями или занесенное снегом.

– Вкус есть, и это главное. А крепость вино наберет. Ваше?

– Да! Из дома прислали шесть ящиков. Если хотите, я дам вам пару бутылок.

– Давайте, я не откажусь. Рядовому составу полагается только водка, а ее я не пью. При чем чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее я отвечу на ваш вопрос.

Я глянул на часы. Было пятнадцать минут пятого. Через полчаса в корабельном храме должны были начать служить всенощную, и я хотел сходить на службу, чтобы исповедоваться отцу Михаилу. Мичману было интересно мнение человека, который еще вчера непридуманно разговаривал с самим императором, и он метеором метнулся к себе в каюту и принес обещанный мне презент. При чем он не поспешил и прихватил еще пару бутылок. Как он сказал: «Про запас и для укрепления дружбы».

Три бутылки я завернул в бумагу, чтобы угостить тех, с кем служу, а две открыл здесь. Разлил по бокалам и пригласил всех, кто был в кают-компании, присоединиться к нам с Ниродом. Покинув уютные диваны, подошли старший штурман Беренс, лейтенант Зарубаев, плутонговый командир Губонин и младший инженер-механик Спиридонов.

– Итак, мичман, – я выразительно посмотрел на Нирода, – вы хотите знать, почему мы заняли такую вялую позицию.

– Несомненно.

– С некоторых пор в военном ведомстве почему-то уверовали в то, что войны с Японией можно избежать, и стали руководствоваться принципом: «Главное – не сердить японцев». Так вот, этот лозунг довели до сведения императора, и знаете... Он его принял. О чем это вам говорит?

– Это говорит о слабости империи.

– Нет, мичман. Это говорит о тупости нашего правительства.

– Да вы революционер, Муромцев, раз открыто критикуете царя. Или это следствие вашего разжалования в рядовые и вы затаили злобу на монархию, – сказал Банщиков. Он был уже изрядно пьян и с трудом держался за край бильярдного стола.

Бровь чуть дернулась, вызывая приступ ярости. Нирод слышал, как у меня скрипнули зубы. Он был учтив и добр.

– Не обращайтесь внимания, Алексей Константинович, доктор пьян, и пора вызывать санитаров, чтобы они отнесли его в лазарет.

– Это кого – меня? – пыжился Банщиков, пытаясь оторваться от стола и продефилировать ко мне. Я иду к вам. – Он бросил руки и качнулся в мою сторону.

Качнулся и крейсер, взлетев на очередной волне. Если бы не волна, «Варяг» наверняка бы лишился своего младшего врача, и если не навсегда, то на пару месяцев точно. А я бы отправился в карцер.

Крейсер осел, утаскивая наши внутренности в преисподнюю. Внизу живота екнуло, и все, кто стоял, согнули колени и развели руки, удерживая равновесие. Неуправляемое тело доктора улетело в дальний угол и, сбив там шахматную доску с журнального столика, утонуло в высоком ворсе персидского ковра. Через пару секунд оттуда раздался мирный храп – и мы перевели дух, больше не переживая за здоровье доктора.

– Мне кажется, я понял, куда клонит Муромцев. – Зорин вытер перепачканные мелом руки и подошел к нам.

– Мне самому интересно. – Я отхлебнул вино и посмотрел на Николашу.

– Вы только представьте себе, что князь Меншиков говорит Петру: «Мин херц, не стоит сердить шведов, а то они разозлятся и поколотят нас». И как вы думает, господа, где была бы после сей сакраментальной фразы голова Алексея Даниловича? Нирод! – Зорин показал на него пальцем, предлагая поучаствовать в импровизированной игре «Угадай, что будет с головой светлейшего».

– На плахе!

– Петя! – Он перевел палец и ткнул в Губонина.

– Я думаю, ее вообще бы не было.

Шутка удалась, и мы все улыбнулись.

– Правильно! А где головы наших чиновников? Ответ простой. Они на плечах, и думают они не о том, как усилить армию и флот, а как обхитрить японцев.

В разговор вступил Беренс, все это время молчавший.

– В то время как японский флот в течение всего декабря ежедневно проводит в море стрельбы, в Порт-Артуре списали всех старослужащих, заменив их новобранцами, а корабли перевели в вооруженный резерв, лишив тем самым их команды возможности повышать свое мастерство. За два дня до выхода из Порт-Артура я был на совещании у Старка. И то, что я там услышал, повергло меня в шок. Старк, опасаясь внезапного нападения японцев, предложил наместнику спустить на броненосцах противоминные сети. И знаете, что тот ответил? – Беренс молчал всего пару секунд. Он не был садистом и не стал тянуть с ответом. – Он сказал: «Мы никогда не были так далеки от войны, как сегодня», – а на рапорте Старка начертил зеленым карандашом: «Несвоевременно и неполитично!»

– Господа, у меня предложение! – Нирод постучал карандашом по фужеру. – Сами по себе ночные стрельбы – вполне закономерное и регламентированное мероприятие на флоте, необходимое для поддержания боеготовности команды. Но с некоторых пор на все учения, в том числе и те, что способствуют боеготовности флота, наложен запрет. От Порт-Артура до Владивостока стал действовать принцип, сформулированный адмиралом Верховским: «Для боевой подготовки плавать совсем не обязательно». Я считаю, что ночные стрельбы на переходе из порта приписки в порт назначения, проведенные исключительно по инициативе командира корабля, есть желание не только сплотить команду, но и сохранить крейсер как боевую единицу. Поэтому решение о проведении учений лично я расцениваю как акт гражданского мужества. И предлагаю устроить торжественный ужин в честь командира крейсера «Варяг», капитана первого ранга Руднева.

В кают-компаниях грохнуло дружное «ура».

* * *

Перед тем как допить последнюю бутылку, меня толкнул в плечо лейтенант Зарубаев.

– Пошли покурим.

– Твои! – Сигареты матросам не полагались, а курить махорку после портвейна я не хотел.

– Ну, раз зову – значит, мои.

В кают-компании не курили. Некое табу, которое все соблюдали и никто не смел нарушить. Это негласное правило было установлено еще при первом командире крейсера Бэре.

Зарубаев был старшим артиллеристом, и все разговоры он сводил к качеству орудий, дальности стрельбы и точности попаданий. Иных тем для него не было. Я вздохнул, поднялся и пошел за ним.

Вышли на палубу и встали у борта, наслаждаясь тихим ходом, спокойным морем и звездами. Они были везде. Над нами и под нами. Они парили в бескрайнем космосе и одновременно плавали в воде. И, казалось, то, что нельзя было схватить рукой, можно было нагнуться и зачерпнуть ладонью.

– Так что вы говорили насчет сфер влияния?

Зарубаев был воспитанный человек и, прежде чем окунуться с головой в свою тему, предлагал подискутировать о политике и только потом плавно перейти к теме вооружения.

– В марте прошлого года из Токио пришло предложение о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке. Уже сама формулировка давала понять, что Япония не намерена ограничиваться только Кореей. У них серьезные виды на всю Маньчжурию и Южный Китай.

– Похоже, их уже не пугает наше присутствие в Порт-Артуре.

– Мало того, они активно готовятся к войне. Все броненосцы «большой программы» построены в Англии. Миноносцы – по французской лицензии на заводах в Куре и Нагасаки. Что касается качества снарядов, тут и говорить нечего. – Тянуть не было смысла, и я с ходу перешел к теме намечающейся дискуссии: «Снаряды и их качество».

– Ух! – Он аж выдохнул, когда я коснулся этой темы. – Их мелинит примерно в полтора раза по мощности взрыва превосходит наш пироксилин. Тут и без дураков понятно, на чьей стороне будет преимущество.

– Нам-то с вами понятно, а вот господа из военного министерства что-то не спешат делать выводы.

– А знаете, Алексей, что больше всего меня злит. – Зарубаев нагнулся ко мне и ткнул в плечо. Он был пьян и не чувствовал дистанции. – Их орудия на тридцать-сорок кабельтовых бьют дальше, чем наши. А это шесть-семь морских миль. Не подпускай к себе противника, держи его на дистанции – и можешь смело расстреливать его из всех типов орудий. А их фугасные снаряды в пять раз по мощности превосходят наши. И поверьте мне, Муромцев, высокие температуры, что возникают при разрыве «шимозы», не оставляют нам шансов. Все будет гореть, все. Гореть и плавиться... – тут он выдохся и замер, собираясь с мыслями, и, кажется, забыл, о чем только что вещал. – О чем я говорил?

– О «шимозе» и ее действии.

– Идеальное средство для убийства. Даже такой крейсер, как наш, после обстрела «шимозой» будет скорее мертв, чем жив. Да, он будет на плаву, но будет небоеспособен... – Зарубаев недоговорил, навалился на поручни и заснул.

Кажется, я стал понимать, к чему он клонит. Все эти ночные стрельбы были пустышкой, которая не стоит ровным счетом ничего. Столкнись мы с японскими крейсерами – они просто расстреляют нас, не подпуская к себе. И вся наша сноровка, вся скорострельность

пойдет кобелю под хвост, когда снаряды будут ложиться с недолетом в пять миль. А их фугасы снесут палубную команду, как коса сносит траву во время покоса.

Еще я подумал про котлы, из которых не выжать мощности, способной разогнать крейсер до двадцати трех узлов. Из них вообще ничего нельзя было выжать. Полное дерьмо и хлам. Максимум, на что был способен «Варяг», это на чудо. А чудом я считал скорость узлов в 17. Однотипные японские крейсера показывали скорость от 20 до 22 узлов. Они просто не дадут нам сократить дистанцию. А пока мы со своим славянским упорством будем стараться их догнать, они превратят нас в дуршлаг и пустят на дно.

Я подхватил лейтенанта под ноги, взвалил на плечо и понес в кают-компанию.

Глава 8

Муромы. Декабрь 1903 г

Тихим зимним вечером московский поезд подошел к пустынному перрону Дивово. Подняв снежную пыль, лязгнув буферами и замер в ожидании, когда единственный пассажир соизволит сойти на этой станции. Этим пассажиром была Екатерина Андреевна Слизнева. Проводник помог вынести чемоданы, поставил в сугроб и в ожидании законных чаевых стал подпрыгивать на месте, разгоняя замерзающую кровь. Покопавшись в ридикюле, Катя достала пятак и сунула проводнику в озябшие руки. Тот кивнул и быстро исчез в теплой утробе вагона.

Поезд дернулся и поплыл, оставляя Катю наедине с чемоданами, метелью и зарождающейся на небосклоне луной. Она посмотрела по сторонам. От здания станции к ней не спеша шел околоточный. Одет он был по всем законам морозной зимы и длинного ночного дежурства. Тулуп с поднятым воротником, валенки, папаха с кокардой и башлык, накинутый на плечи. Все это было перетянуто ремнем и портупелями. По бедру околоточного хлопала сабля «селедка», в кобуре лежал револьвер, а на груди висел свисток. Не спуская глаз с Кати, словно боясь, что она убежит, прихватив свои чемоданы, полицейский стащил рукавицы, потянулся к свистку и, сунув его в рот, засвиристел, подавая кому-то сигнал. Сей немелодичный звук предназначался единственному извозчику, который дежурил на станции.

Извозчик откинул одеяло, под которым отлеживался в ожидании поезда. Посмотрел на фигуру, маячившую посреди перрона, на околоточного, который шел к той самой фигуре, и, сообразив, что трель предназначалась ему, дернул поводья, разбудив задремавшего мерина. Сани скрипнули и заныли, вдавливая молодой снег.

- Как звать-величать? – крикнул извозчик, на ходу выпрыгивая из саней.
- Катерина, – ежась от пронизывающего ветра, прошептала Катя.
- А по батюшке?
- Андреевна.
- А меня Кузьмичом кличут. Так и зови.

К ним подошел околоточный. Посмотрел на Катю, на чемоданы. Расправил усы и, откашлявшись, поинтересовался:

- Куда путь держите, барышня? Прошу прощения, имя-отчество ваше не ведаю.
- Екатерина Андреевна Слизнева, в девичестве Румянцева. А еду в Муромы.
- А не ваш ли это батюшка лет двадцать тому назад у нас в уезде дохтуром был?
- Он самый. – Катя улыбнулась.

– Так я знал его... Милейший был человек. Ты, Кузьмич, давай в лучшем виде доставь дочку Андрея Александровича, царство ему небесное, – околоточный перекрестился, глядя на расплывающийся в вечерних сумерках купол церкви. – Да не заморозь. Не видишь, барышня из Первопрестольной к нам пожаловала.

– Из Петербурга.

– Во! А ты говоришь, из Первопрестольной. Из самой столицы пожаловала. Ну, не буду мешать. – Полицейский отдал ей честь, развернулся и пошел к себе в каптерку, где его ждал обходчик и бутылка водки, настоящая на подмороженной рябине.

Погрузив поклажу и усадив Екатерину Андреевну в сани, Кузьмич накинул ей на плечи тулуп, на колени уложил фуфайку, поверх собольей шапочки повязал пуховый платок и все это укутал толстым пледом. Плед он натянул ей по самый подбородок и завязал его на спине узлом. Катя сразу преобразилась и из элегантной барышни, озябшей и дрожащей, превратилась в некую купчиху, едущую «на ночь глядя» то ли с ярмарки, то ли на ярмарку.

Кузьмич осмотрел ее со всех сторон и остался доволен.

– Вот теперь не замерзнешь.

– Мне дышать нечем, – пискнула Катя из-под груды одежек.

– А ты дыши через раз, воздух-то вон какой жгучий. – Кузьмич дыхнул, любуясь облаком пара, идущим изо рта. Проверил подпругу, потряс привязанные чемоданы и, подойдя к мерину, отколупал наледь, намерзшую на удилах. Все это он делал по-хозяйски, без всякой суеты и спешки.

– А до Муромов далеко?

– Так верст осьмнадцать отсель.

Три часа летом, а зимой? Если дорога укатана, то часа четыре понадобится, а если дороги нет... Можно вообще не доехать. Катя вздохнула: зимой, да еще ночью, да еще через лес... Так и замерзнуть можно, да и волки там не дремлют. Ей стало страшно.

– Может, нам лучше переночевать на станции?

– Вы, барышня, не волнуйтесь. В полночь уж там будем.

Все это время возле саней сидел огромный мохнатый пес, с интересом разглядывая, как хозяин кутает барышню в одежки, превращая ее из человека в толстый, неповоротливый куль. Пса звали Цыган, и был он при Кузьмиче вроде его собаки, он зевнул и щелкнул челюстью, на лету ловя падающие снежинки.

Кузьмич кивнул на Цыгана.

– Он у меня умный: ежели что – и хутор найдет, и людей приведет.

Пес словно понял, что говорят о нем, навострил уши и вильнул хвостом.

– Одна беда. Ленивый. Не хочет сам бегать, так и норовит на халявку проехать.

Будто в подтверждение его слов, Цыган прыгнул в сани, залез под плед, поудобней устраиваясь возле Катиных ног, чем вызвал ее улыбку. Кузьмич еще раз обошел сани, разглядывая их со всех сторон. Осмотром остался доволен. Перекрестился и взял в руки вожжи.

– Ну, с богом! – дернул поводья и завалился в сани, укладываясь на одеяло, расстеленное поверх поленниц. Мерин напрягся, дернул повозку и не спеша потащился, оставляя за собой колею.

«Не кучер, а дровосек какой-то», – подумала Катя и, не выдержав, спросила:

– Вы что, дровосек?

– Ась? – не понял Кузьмич.

– Говорю, поленницы у вас в санях. Вы, что дрова заготавливаете на продажу?

Кузьмич хмыкнул, дивясь, какие они, городские, несмышленные.

– Да не. Это про запас. Я человек практичный. Вот собьемся с дороги – и что?

– И что?

– А то! Разведем мы с вами костерок, Екатерина Андреевна, и засядем возле него. Тут дров до утра хватит. – Кузьмич хлопнул по поленницам. – А еще самогоночка есть.

– И закусить найдется?

– И закусить найдем. Сала у меня почти фунт. С осени кабанчика заколол, сам солил. Не сало, а мед.

У Кати повеселело на душе. Ей не переставали попадаться хорошие люди. Они словно шли рядом с ней по жизни, оберегая от зла и не давая в обиду.

– А часто замерзают ямщики?

Голос у нее был вялым. Кузьмич посмотрел на Катю. Под двумя тулупами и пледом, разморенная теплом, она клевала носом и чуть шевелила губами, пытаясь поддерживать беседу.

– Бывает. – Кузьмич подмахнул вожжами.

Верст через пять лошадь сбавила ход, с трудом таща сани против ветра. Когда выехали со станции, ветер дул в спину, а теперь сменил направление и закружил вокруг них, призывая

станцевать «метелицу». Снежная крупа секанула по лицу. Кузьмич потянулся и дернул за край, опуская шаль Кате на глаза.

* * *

К имению Муромцевых подъезжали уже в полночь. Метель бушевала вовсю, смешав в ледяном хаосе и небо, и землю. Кузьмич шел возле лошади, держа ее под уздцы. Цыган то убегал вперед, то возвращался и опять убегал, не переставая лаять. Он словно призывал править на его лай, что и делал Кузьмич, потерявший дорогу. В снежной пелене мелькнули два огонька. Сначала почудилось, что волки, но, подъехав ближе, ямщик разглядел, что это были масляные фонари на кирпичных столбах. Межа, за которой начиналась усадьба Муромцевых.

Не успели проехать ворота, венчающие въезд в усадьбу, как где-то в снежной пелене глухо тьякнула псина, потом вторая, третья – и понесся по окрестностям протяжный лай и грохот цепей. Собаки словно сбесились, чувствуя чужих. Цыган не отвечал на их вопли. Он лишь подрагивал ушами и внимательно всматривался в темноту, словно пытался определить, кто там так истошно лает.

Из темноты неожиданно выросла громада дома, окруженная заснеженными липами.

– Тпру, милоч. – Кузьмич натянул поводья.

Этого можно было и не делать. Уставший мерин сам подошел к светящемуся в темноте окошку и встал как вкопанный, осознавая, что на этом его мучения окончены и он честно заработал меру хорошего, доброго овса.

Катя открыла глаза. Она узнала этот дом, несмотря на то что не была здесь лет двадцать. Через заиндевевшее стекло виднелся только желтоватый пятачок тусклого света. В людской горела то ли лампадка, то ли свеча, и Катя подумала, что кто-то там, в тишине, возле икон читает вечернюю молитву, выпрашивая прощения у Господа для своей мятущейся и страдающей души. Она не была на причастии почти год. Ей стало стыдно и захотелось войти в каморку, опуститься на колени рядом с неизвестным ей человеком и сказать: «Прости меня, Господи».

Пока она выбиралась из заледеневших на ветру дерюжек, Кузьмич уже обошел дом и возвращался к саням с твердой уверенностью, что это единственное окно, за которым еще не спят. На ходу стащил рукавицы и костяшками пальцев стукнул в промерзшее стекло. Стряхнув с себя снег, Катерина вылезла из саней и стала рядом с ним, разминая ноги.

В комнате задули свет, и с той стороны к стеклу прилипло одутловатое женское лицо. Это была Дарья, горничная стариков Муромцевых. В дом к ним она пришла, когда ей не было и семнадцати. За двадцать лет крестьянская девка заматерела, набрала статью и авторитет, сидя безвыездно при господах: не церемонилась даже с мелкопоместным дворянством. А что до проезжих и прохожих иных сословий, так она их и за людей не считала. Уважала Дарья только офицеров, да и то морских, соблюдая традиции дома.

– Кого там черти на ночь глядя принесли? – буркнула она, явно не желая открывать дверь незванным гостям.

– Эй, мордатая, это имение господ Муромцевых?

– А тебе с того какой прок, клещеногий? – Дарья огрызнулась.

– Открывай! Гостья из Петербурга приехала.

– А мы гостей не ждем. – Дарья задернула занавеску, давая понять, что тема ночлега закрыта.

– Так то невеста сына барского, Алексея Константиновича, что на флоте служит.

– Ой! – Дарья ойкнула, и в темноте что-то упало, издав металлический звон. Минут через пять загремел засов, и на пороге выросла фигура дородной сорокалетней женщины в накинутах на плече пиджаке и со свечой в руке. – Так господа уже спят.

– Ну так разбуди. Не лето чай, так и замерзнуть можно. Вон барышня совсем озябла. – Кузьмич расправил усы и придвинулся к Дарье вплотную, так, что почти коснулся своим холодным носом ее теплой щеки. – Да и я детками еще не обзавелся, нечего мне кочерыжку морозить. А ты хороша...

– Вот напасть-то какая! Ну заходите, что ль. – Дарья отпрянула в сторону, пропуская Катю и Кузьмича. Кучера она прихватила за подол и потянула к себе, обдавая нахлынувшим на нее жаром. – А что, бородатый, ты и вправду в холостяках ходишь?

– Истинный крест. – Кузьмич не знал, на что перекреститься, и перекрестился на луну, заглянувшую на секунду в маленькое окошко в сенцах.

– К печи ее веди. А я господ покличу, чай не сахарные, не развалятся, ежели разбужу.

Дарья потянула на себя дверь, но тут в проем метнулся Цыган.

– А ты куда, прорва? – Дарья хотела поддать его ногой, но промахнулась. – Вот народ! И собаку в дом затащили.

В сердцах захлопнула дверь, крутанула щеколду и повернулась к лестнице. Со страшным скрипом, издаваемым рассохшимися ступенями, она поднялась на второй этаж и пошла вдоль анфилады комнат, зажигая расставленные в подсвечниках свечи. Превращая ночь в день, а тишину и покой – в суету разбуженного дома.

* * *

Сидя в людской возле открытой печурки, Катя слышала, как Дарья подняла весь дом на уши. Забегали, запричитали, загремели чугунами, захлопали дверьми. Кузьмич увел мерина на конюшню и туда же сбежал Цыган, рассудив, что с лошадьми будет меньше проблем, чем с полусонной прислугой.

На верхнем этаже заскрипели половицы, и дребезжащий старческий голос возвестил, что хозяйева проснулись и жаждут увидеть невесту сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.